

18+

Валентин Егоров

Без права на ошибку

Книга третья

Валентин Егоров

Без права на ошибку. Книга третья

«Издательские решения»

Егоров В.

Без права на ошибку. Книга третья / В. Егоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515388-3

75 лет прошло с тех дней, когда закончилась Великая Отечественная война! Она навсегда останется в памяти нашего народа! ВОВ шла не только по линии фронта! Она велась и во вражеских тылах обеих сторон. Сегодня мы знаем о дивизии Аненербе, о полке Бранденбург 800! О том, как СМЕРШ с ними сражался! Третья книга продолжает рассказ о работе во вражеском тылу, казалось бы, одного человека, но в его душе ужились сознания двух людей — немецкого диверсанта и простого белорусского парня!

ISBN 978-5-00-515388-3

© Егоров В.
© Издательские решения

Содержание

Книга третья	6
Глава 2	21
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Без права на ошибку Книга третья

Валентин Егоров

© Валентин Егоров, 2020

ISBN 978-5-0051-5388-3 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-5694-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга третья

Глава 1

1

Под утро Васька прибыл в Архангельск не воинским эшелоном, а обычным поездом. Весь путь он провел в вагоне первого класса, где не было той давки, наблюдавшаяся перед посадкой в плацкартные вагоны. Два пожилых, чисто одетых, очень аккуратных и вежливых бортпроводника обслуживали восемнадцать пассажиров этого вагона. Неизвестно какими путями у них в руках оказывались такие продукты, как свежая ветчина, буженина, но бортпроводники выполняли практически любой заказ на еду пассажиров своего вагона. Может быть, потому, что и пассажирами у них были одни только старшие командиры Красной Армии в генеральских и полковничьих чинах.

В этом вагоне Васька оказался единственным командиром в чине всего лишь лейтенанта. Но его синие галифе, хромовые сапоги, начищенные до зеркального блеска, а также синяя фуражка произвели требуемое впечатление и на генералов, и на полковников, и на бортпроводников. К тому же, несмотря на сильный декабрьский мороз, на вокзал он заявился в черном кожаном пальто. Никто не знал о том, что оно изнутри подбито простой русской овчиной! Но кожаное пальто, сапоги и маузер, болтавшийся на его боку в деревянной кобуре тоже производили неизгладимое впечатление на пассажиров и на командиров, командовавших воинскими патрулями на Ярославском вокзале Москвы. Ни один патруль к Ваське так и не удосужился подойти, хотя бы для проверки документов! Проходя в вагон, он под нос бортпроводнику вместе с билетом сунул и свое служебное удостоверение. В ответ этот бравый старик вытянулся по стойке смирно, взял под козырек. Всем своим видом он показывал, что, словно пионер, всегда был выполнить любое задание НКВД СССР.

Подобное уважительное и почтительное отношение к Ваське происходило по очень простой причине. Он всем демонстрировал удостоверение Федора Алексева, лейтенанта охранных войск НКВД СССР.

Васька вместе с Альфредом Нетцке очень долго обсуждал, каким образом им было бы лучше всего незамеченными покинуть Москву, слишком уж много шума и следов они после себя оставили в этом городе. Им не хотелось рисковать и, следуя приказам минского Абвера, из Москвы уходить при непосредственном содействии и под прикрытием Абверовской московской агентуры! В ходе контактов с Волхвом и его агентурой лично Васька на собственной шкуре убедился в том, что вся эта агентура гроша ломаного не стоит! И от нее было бы лучшего держаться подальше! Таким образом, по собственному решению все контакты с Волхвом и им самим ими были прерваны, они не стали выходить на Худосочного, якобы писаря из Генштаба. Так как выход на любого Абверовского агента становилось слишком уж опасным делом, НКВД под своим колпаком держали под строжайшим контролем едва ли не каждого жителя Москвы.

По этой причине Васька решил снова воспользоваться своим знакомством с Натальей Георгиевной, матерью Ваньки. Через нее выйти на московский криминалитет, чтобы с ворами договориться о приобретении необходимых документов для поездки в Архангельск.

Ваське удалось под видом пьяного шаромыжника незамеченным проникнуть в барак номер шесть, стоявший на Малой почтовой улице, на самом берегу Яузы в Лефортово. Темным коридором он осторожно прокрался до комнаты номер сорок, осторожно фалангами пальцев постучал в дверь. Дверь ему открыл заспанный Ванька, малец совершенно не удивился, когда увидел Ваську. Он ему кивнул головой, молча, развернулся и босыми ногами потопал в глубь комнаты. Васька задержался в дверях для того, чтобы осмотреться, ознакомиться с обстанов-

кой в этой убогой комнатенке. Вот уже третий раз он в ней появляется, но все те три раза сопровождалось скандалами, чрезвычайной ситуацией и у него попросту не было времени на то, чтобы осмотреться и увидеть то, в каких условиях живет эта простая московская рабочая семья.

Комната была именно такой, какими были комнаты в рабочих бараках, построенных по всей Москве в тридцатых годах, когда люд из деревень хлынул в большие города советского Союза. Она была площадью в двадцать квадратных метров. В ее центре стоял круглый стол, он был покрыт синей скатертью в белый горошек. В центре стола высился какой-то комнатный цветок в глиняном горшке. Над ним с потолка очень низко свисал желтый абажур с бахромой. Сорока ватная лампочка едва освещала поверхность стола, но она была вообще единственным источником света в этой комнате. Оба окна были забраны черной бумагой, видимо, в целях светомаскировки от авианалетов немецкой авиации. Ванькин диван расположился у противоположной от окна стены. Супружеская кровать со железными стойками и набалдашниками занимала едва ли не треть всей площади этой комнаты. У окна стоял другой столик, на нем стояла ножная швейная машинка «Зингер», она была покрыта покрывалом, сшитым из белой атласной материи. Во всей комнате было всего лишь четыре стула, а также одна большая и одна малая по своим размерам табуретки.

Больше всего Ваську поразила то, что в этой убогой комнате имелась книжная этажерка, некое ажурное сооружение из полок в несколько ярусов. Этажерка скромненько притаилась в дальнем углу комнаты, но все ее полки были прямо-таки забиты книгами и журналами.

Ванька взобрался на свой старый-престарый диван, накинуд на себя лоскутное одеяло и мгновенно под ним заснул. Наталья Георгиевна лежала на своей постели, она убаюкивала Анечку, напевая ей какую-то грустную колыбельную песенку. Девчонка клевала носом, но она яростно сопротивлялась подступающему сну. Все время она требовала, чтобы мама ей рассказывала бы новую сказку.

Васька осторожно ступая подошел к этажерке, взял с ее полки одну книжку. По обложке было хорошо заметно, что эту книгу много раз читали и перечитывали. На обложке Васька с большим трудом разобрал название книги. Это была книга «Овод», написанная писательницей Войнич. Самому Ваське так и не удалось прочитать этой книги, но он в школе и от отца очень много слышал об Артуре, герое этой книги, преданного своим отцом и отдавшего жизнь за всемирную революцию! Васька книгу вернул на ее прежнее место, собрался взять с полки этажерки еще одну книгу, но в это время Наталья Георгиевна кончила напевать колыбельную. Тогда Васька развернулся и направился к круглому столу.

– Здравствуй! – Как ни в чем не бывало поздоровалась Наталья Георгиевна, как будто бы позавчера не было скандала и она его не выгоняла из своей жизни.

Васька даже и не заметил, когда эта женщина на свои плечи успела натянуть простенький ситцевый сарафанчик, причесала распущенные волосы. Несмотря на свои сорок лет она в данный момент совсем неплохо выглядела.

– Есть хочешь? У меня имеются щи из квашенной капусты или, если голоден, то можешь поесть еще и картошку-пюре?! Я их могу моментально разогреть на керосинке. Совсем немного керосина у меня осталось, но не беда, завтра как-нибудь еще раздобудем. Вот только у меня ни к щам, ни к картошке ничего нет!

– Слушай, Василий, – в этот момент в Васькином сознании проснулся и активизировался Альфред Нетцке, – из-за этой проклятой войны у нас и в Берлине не хватает очень многих продуктов! Немецкий народ сидит на пайковом довольствии! Но картошка у нас на столах у немецких хозяек пока еще не стала основным блюдом! Они ее готовят и подают на стол в качестве гарнира к мясным блюдам. Я вот тут подумал, и хотел бы тебе предложить, чтобы ты Наталья оставил бы побольше денег на детей. К тому же ей придется кормить и воспитывать и нашу Анечку, нашего ребенка! Так что ты уж не забудь о деньгах перед своим уходом.

– Да, ты прав, Альфред! Но эта женщина у меня почему-то отказывается брать денег, хотя их у нее совсем нет! Ты же сам хорошо знаешь, что Наталья Георгиевна меня принимает за немецкого шпиона! А брать деньги у шпионов – для нее это означает продавать свою родину!

– Большое спасибо, Наталья Георгиевна, за предложение поесть! Но я вынужден буду отказаться, так как не голоден!

– Ты решил отказаться, потому что подумал о том, что после тебя мне будет нечем покормить своих ребят? Так не бойся за это дело! Своих детей и твоего ребенка я всегда найду, чем покормить! Чуть что мне соседи по бараку помогут! Голодать мне и моим ребятам они не позволят!

– Ну, зачем же по этому поводу беспокоить своих соседей? У меня есть много денег, так что ими я могу с вами поделиться!

– Ну, и сколько ты можешь дать мне этих своих денег? Да, и между прочим, я знала, что этим вечером ты ко мне заглянешь. Так что шей я и на тебя приготовила! Перед тем, укладывать на ночь твою Анечку, я их разогрела на керосинке. Можешь их поесть! Никто и никогда не узнает, что ты ко мне приходил.

В этот момент в дверь кто-то очень осторожно постучал. Наталья Георгиевна сурово сдвинула свои брови, накинула на плечи теплую шаль и отправилась к двери. Некоторое время там слышался один только шепот голосов. Васька, разумеется, мог просканировать сознание шептавшихся людей, но он решил этого не делать из-за уважения к хозяйке. Ведь в случае плохого, она его предупредит о надвигающейся опасности, даже если эта опасность будет угрожать и ее жизни! Так что Васька хорошо знал, что мать Ваньки его никогда не подведет. Через некоторое время к столу вернулась Наталья Георгиевна. В тот момент эта женщина выглядела очень задумчивой и очень серьезной.

– Они хотят с тобой поговорить по очень серьезному делу! Я им сказала, что, если они тебя тронут, то я с них шкуру спущу! Так что иди к ним, ничего не бойся, они тебя не тронут!

Васька поднялся из-за стола и направился к выходу из комнаты. Коридор на всем протяжении был погружен в темноту. Хотя он прекрасно помнил, что, когда крался в комнату к Наталье Георгиевне, то в начале и в конце коридора горели две слабенькие электрические лампы. Машинально Васька просканировал перед собой пространство этого коридора. Перед ним были четыре человека, разделившись по двое, они стояли, своими спинами подперев его противоположные стены. Васька решил первым начать разговор, чтобы этим ребятам показать, что она свободно ориентируется в этом темном пространстве коридора. Он остановился перед одним из четырех парней и поинтересовался:

– Какой вопрос вы, парни, хотели бы со мной обсудить? А потом я привык общаться только с одним вашим представителем! Но, как вижу, что сейчас его нет среди вас!

Васька в темноте коридора этого не видел, но ощутил, что его короткий вопрос, а также то, что он остановился перед одним из них, у этой четверки уркаганов вызвал явное смущение и смятение. Появившись некоторое время, вперед выступил совсем молодой парень. Как Васька догадался, этот начинающий уркаган стоял во главе всей этой четверки.

– Извини, кореш, что мы тебя потревожили! Но у нас сложилась сложная ситуация. Сегодня кто-то зарезал нашего Косого. Его зарезали на нашей территории, неподалеку от метро Бауманская. Кто-то сказал, что это сделали немецкие диверсанты! Вот мы и решили с тобой поговорить по этому вопросу. Ведь ты к нам пришел с той стороны.

– Видимо, Роман, с которым ты встречался, и был тем самым Косым, главарем этой банды?! – Мысленно предположил Альфред. – Ну, так что ты, Василий, собираешься делать в этой ситуации? Очень похоже на то, что они нам не помощники в вопросе приобретения документов!

– Подожди, Альфред, не мешай серьезному разговору! – Мысленно попросил Васька, а затем уже голосом он обратился к парням:

– У вашего Косого настоящее имя было Роман?

Все четверо парней практически одновременно утвердительно кивнули своими головами. Только один из них сообразил, что в темноте коридора их собеседник мог и не увидеть их утвердительных кивков головами. Поэтому он глухим голосом произнес:

– Да, у нашего пахана Романа была кликуха «Косой»! Два человека напали на него со спины! У него не было ни единого шанса защититься!

– Роман был неплохим парнем! Только ему не стоило бы заниматься разбоем и грабежом, нападая на простых людей! – Задумчиво произнес Васька.

В данный момент он попросту тянул резину, выигрывая те несколько минут, которые ему были необходимы для принятия решения. Эти минуты ему позволили бы принять не скоро-спелое решение в отношении своего возможного участия в расследовании убийства Романа. В принципе, он ничего не терял. Правда, ему пришлось бы еще на одни сутки задержаться в Москве. К тому же в проведении этого расследования ему могла бы помочь Татьяна Метелина. Словом, обстановка складывалась таким образом, что Васька, в принципе, мог бы помочь этим уркаганам узнать, кто же убил Романа.

К тому же такая помощь позволяла ему, не теряя лица, обратиться к этим уркаганам за помощью.

– Хорошо, парни! Я, возможно, смогу вам помочь, если вы мне поможете достать для себя новые документы.

– Да, это не проблема! Федька Жуков продолжает работать слесарем на заводе «Памяти 1905 года». У него золотые руки, он может изготовить любой документ. Вот только чистых бланков паспортов и удостоверений личности у него больше нет!

– Я смогу вам помочь с этими бланками!

– Тогда мы с тобой, кореш, договорились! – Произнес кто-то из четверых уркаганов.

Но другой уркаган этого парня тут же поправил:

– Он нам не кореш! Он нам враг! В данную минуту он всего лишь наш кратковременный союзник!

Почему-то от слов второго уркагана Ваське потеплело на душе!

2

Васька вспоминал об этих событиях, сидя за предоконным столиком в двухместном купе вагона первого класса поезда Москва – Архангельск. Перед ним на столе стояла бутылка армянского коньяка. Эту бутылку из портфеля только что достал и поставил на стол полковник Генштаба Решетов, направленный в Архангельск с каким-то заданием по линии Генштаба. Полковник вошел в купе, когда поезд уже тронулся, толпившиеся на перроне очень редкие провожающие люди, стали уплывать назад.

– Разрешите представиться, товарищ лейтенант, полковник Решетов, Владимир Иванович! Командованием отправлен в командировку на Север, помочь своим товарищам бороться с гитлеровцами. – Произнес полковник, он тут же принялся снимать с плеч теплый полушубок, большую редкость по тем суровым зимним временам.

Васька медленно поднялся на ноги, поправил гимнастерку сзади под ремнем и сухим голосом проговорил:

– Лейтенант охранных войск НКВД СССР Федор Васильевич Алексеев. Командирован на Север для выполнения спецзадания!

– Ну, вот мы и познакомились! Надеюсь, что станем добрыми товарищами до прибытия нашего поезда в Архангельск! Словом, в этом купе нам придется провести два-три дня, не менее! Немецкая авиация господствует в воздухе. Она довольно-таки частенько срывает графики движения воинских эшелонов и гражданских поездов! Нам с тобой, лейтенант, очень повезло, мы попали в вагон, который обеспечивается продуктами по первому разряду, словно все его пассажиры являются министрами советского правительства!

– Да, я как-то над этим особенно не задумывался! Меня беспокоят другие вещи, как это немцы умудрились добраться до Москвы. Войну мне пришлось встречать в Бресте, на западной границе. На ее десятый день меня ранило, но эти десять военных дней мы очень неплохо дрались. Почему мы сдали Минск, Киев? Как дальше будут развиваться военные действия?! Да и вообще, как долго продлится эта война? – Произнес Василий, не отрывая взгляда своих глаз от своего собеседника.

Полковник Решетов себя почувствовал настоящим хозяином всего этого купе. Свой дорожной чемоданчик он зашвырнул на антресоли, находившиеся над дверью, портфель же осторожно и аккуратно положил под подушку верхней полки. Причем Васька обратил на это внимание, портфель полковник положил таким образом, чтобы посторонний человек не смог бы даже догадаться о том, что именно спрятано под этой подушкой.

– Видимо, этот полковник Генштаба вместе с собой везет какие-либо секретные документы. Видишь, Василий, как он старательно и очень тщательно этот свой портфельчик пытается спрятать в своей постели от посторонних глаз! Я только не пойму, почему он отправился в путь без соответствующего сопровождения? Идет война, с ним или с документами во время поездке на поезде всякое может случиться!

– Ты знаешь, Альфред, меня несколько обеспокоило заявление полковника о том, до Архангельска нам придется добираться два или три дня! Не опоздаем ли мы на самолет из Берлина?

– Не беспокойся! В случае необходимости Берлин пришлет за нами второй гидросамолет! В настоящий момент мы с тобой являемся очень важными персонами. Я точно знаю, что адмирал Канарис хочет, чтобы мы с тобой у него всегда находились бы под рукой! Очень похоже на то, что наша работа в Москве стала приносить результаты, адмирал

– Да, разумеется, результат налицо, между прочим, Альфред. В Могилеве только что прошла первая встреча представителей РСХА Третьего Рейха и НКВД СССР. Так что ты и сам понимаешь, что они уже без нас пытаются договориться о прекращении военных действий! Мы же из активных участников по организации переговоров, легко можем превратиться в нежелательных свидетелей! Не зря же Лаврентий Павлович по нашим следам запустил свору своих волкодавов?!

– Ты, Васька, что не понимаешь, что представители этих двух организаций между собой никогда в жизни не договорятся! И Седой это прекрасно понимает! Вон он нами, Вася, и попытается прикрыть свой волосатый зад перед Гимлером и Гейдрихом. Так что, как мне показалось, Лаврентий Павлович нам, но уже по просьбе адмирала, своим преследованием пытается сказать: «мужики вам в Москве делать больше нечего, давайте побыстрее возвращайтесь в свой Берлин»! Так что, Вася, нам с тобой предстоит еще много поработать по организации именно серьезных переговоров!

– Ладно, договорились! Тогда, давай, мы доберемся до Окулова озера под Архангельском, а оттуда гидросамолетом вылетим в Берлин! Только ты, Альфред, меня извини, но свое внимание я должен уделить соседу, полковнику, а не то он решит, что со мной что-то не в порядке!

– Товарищ лейтенант, вы не будете возражать, если я схожу к бортпроводнику нашего вагона. Попрошу его приготовить нам ужин. Вы, что, лейтенант, предпочитаете на ужин, хороший кусок мяса или жареную курицу?

– Товарищ полковник, я полностью полагаюсь на ваш вкус и на ваш выбор! Могу ли я чем-либо другим вам помочь?

Но полковник Решетов мне не ответил на последний вопрос, он скрылся за дверью нашего купе. Ужин удался на славу! После Минска Ваське пока еще не приходилось есть такой хорошо прожаренный бифштекс с рассыпной картошкой. Картошка истинно по-русски была порезана на круглые дольки. Причем каждая долька была прожарена на свином сале до хру-

стящей корочке с обеих сторон. Да и бутылка армянского коньяку оказалась к месту. Причем коньяк из бутылки улетучился так быстро, что очень скоро им обоим пришлось обращаться к бортпроводникам еще за одной бутылкой. Но, к великому их сожалению, как сообщили бортпроводники, армянский коньяк полагался всего лишь по одной бутылки на купе из двух пассажиров! Таким образом, Ваське и Володе свой ужин пришлось заканчивать бутылкой «Московской горькой». Водка Ваське показалась теплой и противной, да и его настроение слегка испортилось. В горести наш парень не стал эту водку пить, но она явно пошла на пользу Володе Решетову.

В ходе ужина между лейтенантом и полковником, несмотря на большое различие в воинских званиях, установилась вполне дружеская атмосфера. Они друг друга стали называть по именам, говорили, не стесняясь, обо всем на свете. Только вот полковник Решетов почему-то категорически отказывался обсуждать или просто комментировать ход военных действий на фронтах Великой Отечественной войны. Причем полковник не прямо в лоб отказался вообще касаться этой темы. Просто Решетов профессионально ловко их разговор-беседу начал уводить в сторону, когда Василий поднимал вопрос о ситуации на фронтах.

Как вскоре выяснилось Володя Решетов особенно любил поговорить о московских актрисах. Володя был хорошо информирован даже о любовных похождениях известной московской актрисы Серовой, к ней и сам товарищ Сталин был неравнодушен. Ваське же по этой тематике особенно нечем было похвастаться, он в амурных делах не обладал большим опытом, да и к тому он не был москвичом! Поэтому он больше слушал полковника Решетова, так как он обладал подобным богатым жизненным опытом, как Володя Решетов!

Под самый конец ужина в дверь их купе постучал один из бортпроводников. Вежливым голосом он извинился за то, что их потревожил, сказав:

– Товарищи командиры, поезд обходит военный патруль, проверяет документы у всех его пассажиров. Через минуту этот патруль начнет обход всех купе нашего вагона. Прошу вас заранее приготовить служебные удостоверения и сопроводительные документы. Извините, но сейчас я буду вынужден вас покинуть, чтобы других пассажиров своего вагона предупредить о предстоящей проверке документов!

Как только дверь купе закрылась за бортпроводников, полковник Решетов отодвинул от себя рюмку с водкой. Поднялся из-за столика, достал из портфеля свои документы, а портфель снова засунул под подушку верхней полки.

– Не нравятся мне такие неурочные проверки! Военный комендант Ярославского вокзала клятвенно меня заверял в том, что каких-либо проверок документов в вагонах первого класса проводиться не будут!

Эти слова полковника Ваську насторожили, машинально он посмотрел на свои наручные часы, их стрелки показывали ровно полночь!

– Мне кажется, что ты прав, Василий! Не должна проверка документов проводиться в литерном вагоне, где каждый пассажир, едва ли не на вес золота! Ты уж, Васенька, подготовься ко всяким неожиданностям! Да и свое оружие тебе было бы лучше держать под рукой! А то совсем расслабился, свой маузер повесил у самого входа! – Мысленно посоветовал Альфред Нетцке.

Васька последовал совету Альфреда, практически одним прыжком он за спиной полковника скользнул к двери купе. Из деревянной кобуры, висевшей на крючке вешалки, он вытащил свой пятнадцатизарядный пистолет, свой древний маузер. Привел его в боевую готовность, а затем же опять-таки скользящим прыжком вернулся на свое прежнее место, на нижней полке с левой стороны от входа.

– Ну, это уж вы совсем зря! – Полковник Решетов прокомментировал Васкины действия, снова усаживаясь в свое кресло, напротив Васьки. – Не до такой уж степени нам следует остерегаться этот патруль, чтобы хвататься за оружие! Хотя, чем черт не шутит?

Владимир Иванович снова поднялся на ноги, чтобы пройти к своей шинели, висевшей на вешалке у двери купе. Но в этот момент дверь купе скользнула в сторону, в ее проеме показались три патрульных. Возглавлял патруль немолодой капитан. Он был одет в совсем уж замызганный полушубок, словно долго в нем пробирался по заснеженному лесу. Да и два сержанта патрульных, сопровождавшие капитана, в своих полушубках выглядели далеко не лучшим образом. Но Ваську насторожила та их хватка, с которой оба они держали в своих руках оружие, автоматические карабины Симонова. А также то, как они моментально сориентировались в этом ограниченном пространстве вагонного купе. Если капитан, как бы в знак уважение к более старшим по званию командирам, подошел к их столику, то оба сержанта заняли позицию, позволяющую им обоим пассажиров данного купе держать под прицелами своих карабинов.

– Товарищи командиры, прошу вас предъявить документы!

– Капитан, на каком основании, вы столь поздно врываетесь в купе к пассажирам? Требуется предъявить документы, а сами даже не подумали представиться! Тем более, что мы старше вас по званию! – Мрачно, глядя в тарелку, поинтересовался полковник Решетов.

– Извините, товарищ полковник! Позвольте, мне вам представиться! Капитан Гончаров, Юрий Алексеевич, старший оперуполномоченный НКВД по железным дорогам. По приказу своего командования веду проверку документов у пассажиров поезда Москва – Архангельск! А на каком основании проводится такая проверка, то вы, товарищ полковник, наверняка, и сами знаете! Сейчас идет народная война! Проверая документы пассажиров, этим мы среди них выявляем дезертиров, уклонистов от службы в армии и шпионов противника!

– Альфред, что-то этот капитан оказался слишком уж разговорчивым! Случайно, он не из твоей компании знакомых и сослуживцев по полку «Бранденбург»? Мысленно поинтересовался Васька.

– Да, нет, Василий! Этого капитана я нигде не встречал, наши пути с ним не никогда перекрещивались! Но тебе, пожалуй, следует быть с ним очень осторожным! Эти два сержанта, вместе со своим капитаном, производят впечатление, что много времени провели где-то в лесу. Все трое очень плохо побриты. Да и щетину со своих подбородков они словно соскребали ножевыми штыками от карабинов!

– Я их держу на прицеле маузера! Открою огонь, как только он перейдут к активным действиям!

Тем временем капитан принялся за проверку их документов. Первым он взял в руки удостоверение личности Васьки. Поморщился, пока его вычитывал букву за буквой. Но капитану в нем что-то явно не понравилось. Он даже полез в свой планшет, висевший на правом боку, чтобы достать из него лист бумаги. Васькиным удостоверением личности долго возил по этому листу бумаги, словно что-то проверяя. Затем, тяжело вздохнув, удостоверение личности вернул Ваське и при этом сказал:

– С тобой, лейтенант, все в порядке! Можешь далее следовать до Архангельска!

Затем капитан повернулся к полковнику Решетову, даже ему козырнул и вежливым голосом произнес:

– Товарищ полковник, прошу предъявить служебное удостоверение!

Пока командир этого странного патруля занимался изучением документов соседа по купе, Васька несколько раз попытался просканировать его сознание. Но каждый раз он наталкивался на блокировку. Причем, блокировка сознания капитана была не естественного, а искусственного происхождения. Что в немалой степени Ваську удивило, так как по всему получалось, что сейчас перед ним находился не простой человек военнослужащий, а одаренный человек с определенными паранормальными возможностями или способностями! Вернувшись в реальность, Васька услышал продолжение разговора командира патруля с полковником Решетовым.

– Никуда я с вами не пойду, капитан! – Говорил, почти кричал, Владимир Иванович. – Мое удостоверение личности попросту не может быть не в порядке! Мне его выдали всего лишь пару дней назад, специально для этой поездки! Оно, капитан, не должно вызывать у вас ни малейшего ко мне подозрения!

– Товарищ полковник, вы ведете себя самым неподобающим образом. Словно вы не полковник Красной Армии, а истеричная девчонка! Я же вам не говорил, что ваше удостоверение личности вызвало у меня какое-то подозрение! Я говорил и сейчас говорю о том, что документы, которые вы везете в штаб Беломорской флотилии, настолько важны, что нуждаются в нашем сопровождении! Для этих целей нам выделили отдельное купе, но в другом вагоне. Поэтому я вас прошу, пока еще не применяя силы, вместе с нами пройти в это купе!

– Капитан, меня никто не предупреждал о вашем сопровождении! —

В этот момент своего разговора с командиром патруля полковник Решетов взглянул на Ваську. В этом его взгляде он почувствовал просьбу его поддержать, ему помочь. По какой-то причине Владимир Иванович не хотел покидать этого купе, даже под охраной бойцов этого патруля.

– Василий, все складывается к тому, что ты должен помочь этому полковнику. Как мне кажется, у него с этим патрулем возникла очень серьезная проблема! Полковник с собой в портфеле везет схемы маршрутов, а также график прохождения караванов судов из Англии на ваш Север. Сталин только что с союзниками подписал соглашение по ленд-лизу. В рамках этого соглашения Советский Союз будет получать от своих союзников регулярную помощь военными материалами, боевой техникой. Первый такой караван вот-вот должен прибыть в Архангельск. Так что Васька спасай полковника и его бумаги.

Мысленный разговор, обмен мыслями всегда производился на большой скорости. Он обычно продолжался всего лишь малую долю секунды. Но эта доля секунды в судьбе полковника Решетова сыграли значительную роль. По приказу капитана, оба сержанта набросились на Владимира Ивановича, желая его обездвигнуть. И уже в таком виде вынести из купе. Капитан же, осмотрев купе, своими грязными сапогами встал на Васькину полку, своими руками принялся переворачивать постель на верхней полке. Через пару секунд он обнаружил портфель полковника. С Васькиной полки он спрыгнул на пол, всем своим видом показывая, что собирается покинуть купе вместе с полковничьим портфелем.

3

Командир патруля взялся за ручку двери купе, собираясь ее отодвинуть в сторону, чтобы выйти в коридор вагона. Судьба сержантов в тот момент веревкой связывающих полковника Решетова, его совершенно не беспокоила. Он застыл на месте, когда Васька негромким голосом скомандовал:

– Всем стоять на месте, не двигаться! При малейшем движении стреляю на поражение!

В этот момент Васька, сидя на нижней полке, спиной откинулся на стену вагона, выставив перед собой руку с маузером. Оба сержанта замерли, подобно древнеримским статуям, но полковника Решетова из своих рук они не выпустили. Капитан начал всем своим телом медленно разворачиваться в Васькину сторону, одновременно произнося:

– Лейтенант, ты, что с ума сошел? Мы ж с тобой из одной канторы...

– Василий, ты его пристрели! Не то он сейчас тебя ... – Альфред Нетцке хотел Ваське посоветовать, но не успел свою мысль высказать до конца.

Васька дважды нажал курок маузера, негромко клацнули два выстрела. Первая пуля поразила капитана в правое плечо, из правой руки тотчас же выпала продолговатая вещь, похожая на гаванскую сигару. Сам же капитан начал медленно оседать всем своим телом на пол купе. Вторая пуля из маузера попала в правый глаз одного из сержантов. В тот момент он сделал шаг в Васькину сторону, явно собираясь на него навалиться всем своим телом. Тем самым он хотел перекрыть ему обзор всего происходящего в купе, а затем его обезоружить. Третий же

член патруля, второй сержант, получил удар кулаком от полковника Решетова в правую скулу лица. От этого удара он замешкался всего лишь на какую-то долю секунды. Но этого времени Ваське вполне хватило на то, чтобы вскочить на ноги. Рукояткой маузера Васька нанес ему мощнейший удар по затылку.

Удостоверившись в том, что третий патрульный находится без сознания, Васька первым делом приоткрыл дверь купе, чтобы осмотреть коридор вагона. Там сохранялось ночное спокойствие, привычная синяя дорожка освещалась всего лишь двумя слабыми лампочками дежурного света. Выстрелы так и не побеспокоили пассажиров этого вагона. Ни один из них даже не вышел в коридор с тем, чтобы просто поинтересоваться, что же в вагоне происходит, что это были за выстрелы. Сейчас же Васька интересовало, куда это запропали бортпроводники, которые должны были держать свои уши настороже. Но он тут же решил выяснением этого вопроса заняться чуть позже, а сейчас заняться осмотром раненого капитана.

Рана в плечо, полученная капитаном, оказалась не очень тяжелой. Пуля из маузера прошла чисто, не затронув ни предплечной сумки, ни плечевой кости. Но капитан был мертвее мертвого! Его глаза остались широко открытыми, остекленело посматривая на Ваську. Он был мертвее мертвого!

– Под одним из зубов у него была ампула с ядом! Некоторых бранденбуржцев тренировали до такой степени, чтобы при получении ранения в невыгодных для них условиях, они автоматически специальным прикусом раздавливали бы эту ампулу. Видимо, этот твой капитан был одним из тех бранденбуржцев?! Василий, ты уж лучше займись оглушенным сержантом. Может быть, он тебе сможет рассказать, кто же они такие на самом деле?

Но к этому времени и третий член патруля оказался мертвым! Не раз чертыхнувшись про себя, Васька вопросительно посмотрел в глаза полковника Решетова. Но тот в ответ лишь развел руки в стороны. Владимир Иванович имел большой жизненный опыт, но оказался совершенно неискушенным человеком в вопросах стратегии и тактики тайной войны! Тогда Васька вспомнил о бортпроводниках. Он сделал знак Владимиру Ивановичу, чтобы тот его дождался, ничего не предпринимая до его возвращения. Сам же тенью скользнул к двери купе, слегка отодвинул ее в сторону. Через очень небольшую щель выбрался в коридор. Стараясь особо не производить шума, Васька за собой задвинул дверь купе, затем осторожными, крадущимися шагами направился к купе бортпроводников.

Дверь их купе была широко раздвинута. Оба старика бортпроводника сидели за предоконным столиком, они чаевничали! Старики совершенно не прореагировали на Васькино появление в дверях своего купе, они даже не повернули головы в его сторону. Такое безразличное ко всему поведение бортпроводников заставило Ваську предположить, что он и сюда опоздал. Вены под ухом у стариков не пульсировали, жизнь совсем недавно покинула их тела. Так как они пока еще оставались теплыми, а чай в их стаканах не успел остыть, он все еще был горячим! Так, стоя у предоконного столика, за которым продолжали чаевничать мертвые старики бортпроводники, Васька осмотрел их купе. Ничего интересного в нем не было, разве что небольшая черная коробочка, повисшая на стене вагона, над головой одного из стариков. Эта коробочка привлекла его внимание, пару секунд он ее рассматривал, не прикасаясь к ней руками.

– Василий, поторопись покинуть эту купе, оно заминировано! Эта мина мне хорошо знакома, ее закладывают на действие в течение суток. По положению детонатора и временного таймера я могу предположить, что эта мина взорвется где-то минут через двадцать. Так что поспеши покинуть это купе, этим старикам ты ничем уже не поможешь! – Посоветовал опытный в таких делах немецкий диверсант Альфред Нетцке.

В этот момент в его голове родилась дикая мысль о том, как выбраться из ловушки. В ней он оказался по вине своего соседа по купе, полковника Решетова. Хотя лично ничего против него ничего не имел.

– Ты неплохо это, парень, придумал! Советую, действуй, не теряй времени! – Снова в Васькины мысли влез Альфред со своим очередным советом.

Чуть ли не бегом Васька вернулся в свое купе. Ничего не объясняя Владимиру Ивановичу, он на свои плечи взвалил труп капитана. Прежде чем с трупом на плече выскочить в коридор, он его внимательно осмотрел в оба конца. Коридор, по-прежнему, был пуст, пассажиры крепко спали по своим купе. Бегом Васька пробежал до купе бортпроводников, труп капитана посадил на лавку к одному из мертвых стариков. Получилась ужасная картина, два мертвых старика продолжают чаевничать, мертвый же капитан как бы наблюдал за ними. Даже опытный аналитик мог бы ошибиться, предположив, что эти трое мертвецов что-то между собой обсуждают.

Но время не стояло на месте, оно неумолимо подгоняло Ваську. Бегом он снова вернулся в свое купе, чтобы взвалить себе на плечи труп убитого сержанта. Его тело он положил справа у порога купе бортпроводников. Он уже совсем собрался бежать за телом третьего патрульного, как в дверях купе показался полковник Решетов, он на своих плечах тащил трупом последнего патрульного. Владимир Иванович оказался сообразительным мужиком, он сам догадался помочь своему соседу Федору Алексееву, лейтенанту НКВД. Васька, молча, помог полковнику снять труп с его плеча. Расположить его по левую сторону от входа в купе. Критическим взглядом осмотрев купе с мертвяками, Васька жестами показал полковнику Решетову, чтобы тот, как можно быстрее, вернулся обратно в их купе. Сам же Васька задвинул дверь купе бортпроводников и неторопливым шагом по коридору вагона отправился в свое купе.

Васька успел сделать всего лишь три шага по синей ковровой дорожке, как едва ли не в лоб столкнулся с каким-то пассажиром. Но, если судить по его армейским бриджам и подтяжкам, а также по нижней армейской рубашке, то этот пассажир был военным служащим, да и к тому же не в малых чинах. Он остановился и у Васьки поинтересовался

– Извини, лейтенант, но там свободно?

– Что? – Васька не понял вопроса. – Извините, но что именно вы имели в виду?

– Я поинтересовался только тем, свободен ли туалет в том конце вагона?! Извините за глупый вопрос в такой поздний час ночи!

Этот человек прижался к стене Вагона, освобождая Ваське проход. В долю секунды Василий успел сообразить, что если мина взорвется, то этот человек в туалете погибнет, почему зря!

– Там сейчас занято! Идите в противоположный конец вагона! – Быстро проговорил Васька.

Поблагодарив, человек развернулся и отправился в противоположную сторону. Что-то в этом человеке Ваське показалось очень знакомым, но он, как ни пытался, так и не смог вспомнить ни его имени, ни его звания.

В купе он, молча, разобрал свою кровать на нижней полке. Но прежде чем раздеться и лечь в нее, Васька принялся изучать оружие патрульных. Пока он перетаскивал трупы, Владимир Иванович собрал все их оружие, разложил его на предоконным столике. Оба карабина Симонова он без каких-либо разборок выбросил в окно, предварительно опустив вниз его стеклянную раму. Туда же последовали штыки-ножи к карабинам, подсумки с патронами. Пистолеты Наган и парабеллум, принадлежавшие капитану, Васька предварительно показал Решетову. Но тот на его предложение лишь отрицательно показал головой, сказав:

– Обойдусь своим пистолетом ТТ!

После минутного раздумья оба эти пистолеты были тоже выброшены в окно. Ваське с ними было бы опасно появляться в Берлине! Там всякое могло бы произойти, поэтому ему было бы лучше вообще избавиться от подозрительных вещей. Но вот от гаванской сигары, которая оказалась одновременно и ручкой, и однозарядным пистолетом он решил не избавляться. Он себе ее оставил. Не поленился прошел к своему кожаному пальто, пистолет-ручку спрятал во внутренний карман своего пальто.

Когда Васька снова вернулся к предоконному столику, то на нем лежали ничего не говорящие, они были без фотографий, две красноармейские книжки сержантов, а также командирская книжка капитана. Несколько раз прочитав текст солдатских книжек, Василий так и не смог принять решения о том, что с ними делать? Сохранить или выбросить в окно? Но его вопрошительный взгляд полковник Решетов снова отрицательно покачал головой. Тогда подал внутренний голос Альфред Нетцке:

– Полагаю, что тебе следует сохранить эти документы! Когда прибудем в Архангельск, то отправь их почтой своему следователю Татьяне Метелиной. По крайней мере, чекисты смогут разобраться в том, где и кем эти красноармейские книжки были изготовлены.

После этого Ваське ничего не оставалось делать, как раздеться и лечь в постель. Вслед за ним начал раздеваться Владимир Иванович. Перед тем, как залезать на верхнюю полку, он выключил общий свет в купе и легко, слово хорошо натренированный спортсмен, вспрыгнул на свою верхнюю полку. Видимо, полковник сильно переволновался в связи с произошедшими в их купе событиями. Он практически мгновенно заснул, вернее было бы сказать, впал в забытие. Но при этом начал громко и размеренно храпеть. Такого подвоха с его стороны Васька не ожидал. Ему пришлось здорово постараться для того, чтобы заснуть на двухтысячном слонике.

К пересчету слонов в караване, когда он не мог заснуть в детстве, его научил отец! Когда Васька дурачился, не засыпал, то родитель ему предлагал вообразить картину, когда по бесконечной африканской саванне бредет караван слонов. Сын же должен пересчитать, сколько слонов было в этом караване. И тогда Васька их пересчитывал до тех пор, пока его глаза не смыкались, пока он не засыпал!

Они оба, Васька и Решетов, крепко спали, когда их вагон сотрясся от взрыва, произошедшего в купе бортпроводников перед самым наступлением позднего зимнего рассвета. В тот момент на одном из полустанков их поезд стоял, пропуская встречный эшелон. До Архангельска поезду следовать оставалось не так уж далеко, но до города вела однопутная железная дорога. Бригадир поездной бригады сильно перепугался из-за этого взрыва, так как он не понимал, откуда в купе его бортпроводников вдруг появилось так много обгорелых трупов, погибших при взрыве людей?! Он сам на попутной телеге ринулся в близлежащий к железной дороге поселок городского типа. Там в поселковом отделении милиции бригадир накатал заявление о взрыве в литерном вагоне поезда Москва – Архангельск. Местная милиция, до этого момента спавшая спокойным и размеренным сном, перевозбудилась. Она подняла на ноги местное отделение НКВД, в нем работали всего лишь один следователь и три оперативника.

В полном составе оба отделения и милиции, и НКВД выехали на место происшествия. К этому моменту информация о взрыве поезда была доложена первому секретарю районного комитета ВКП (б). Тот сам лично набрал номер областного секретаря ВКП (б) Архангельской области, что того проинформировать о взрыве поезда. Таким образом, несколько искаженной, в ней речь шла о взрыве всего поезда, но информация по политическим каналам дошла до Москвы. Местные НКВД несколько запоздали с передачей этой информации по причине того, что начальник поселкового отделения НКВД сначала захотел выяснить точные обстоятельства взрыва, а уж потом информировать свое начальство.

Эта заминка начальника НКВД поселкового отделения в Соколово, позволила товарищу Сталину слегка пошутить по этому поводу. Правда, в шутке о медлительности в работе некоторых правительственных комиссариатов он, конечно, не упомянул НКВД СССР, но товарищ Берия вполне серьезно отнесся к этой шутке. В свой кабинет с очередного заседания Политбюро, Лаврентий Павлович вернулся в плохом настроении и донельзя разгневанным. Народный комиссар внутренних дел в свой кабинет пригласил всех своих заместителей и помощников, ласковым голосом он у них поинтересовался:

– Через час вы мне доложите о том, что же именно произошло с поездом Москва – Архангельск на перегоне между полустанками Соколово и Архарово? По информации товарища Сталина на том перегоне немецкие диверсанты к чертям собачьим взорвали литерный поезд. Да и между прочим, постарайтесь выяснить, почему об этом нас своевременно не проинформировало наше местное отделение НКВД? С начальника отделения спустите три шкуры за этот прокол!

4

Васька спал, когда его разбудил пожилой милиционер. Открыв глаза, первое, что он увидел, как другой милиционер, совсем молодой сельский парень, граненым штыком своей мосинки он касался лица полковника Решетова, хрипловатым голосом требуя:

– Ну, что, поскуда, так ты не хочешь признаваться, с какой целью взорвал этот поезд. Сейчас, когда я своим штыком пощекочу твое барское личико, то ты мне сразу же во всем признаешься!

Пожилой милиционер перестал его трясти за плечо. Про себя он тихо так, чтобы не слышал его напарник проговорил:

– Ну, какие это вражеские шпиены? Спят без задних ног, даже взрыв поезда их не разбудил! Лешка, ты там со вторым пассажиром будь поосторожней. Может он лицом и статью выглядит, как капиталист, а на деле он пролетарий, вроде наш с тобой товарищ и брат по классовой борьбе!

– Дядя Микола, ну, какой он к черту пролетарий с таким-то пузом. Да он в жизни на заводе не работал. Ты только посмотри, они вчера рябчиков с ананасами на ужин жрали. Одни только косточки от рядчиков на тарелке остались и недоеденный белый хлеб. Да за такой несъеденный ломоть хлеба меня бы мамка хворостиной бы отхлестала!

– Вчера мы ужинали не рядчиком, а хорошо прожаренным мясом! – Спокойно произнес Васька. – И никаких костей на тарелке нет.

– И это, мы «ужинали хорошо прожаренным мясом», когда у нас колхозников, бывших крестьян, пуза от голода сводит! Сегодня Советский Союз воюет с мировым фашизмом, мы должны все, что наработаем отдавать фронтовикам, чтобы мы быстрее победили в этой войне! – Явно пошел в разнос молокосос с винтовкой в руках.

Несмотря на враждебное поведение молодого милиционера, Васька, разговаривая с деревенскими, всегда чувствовал себя спокойно и уверенно. Он хорошо знал, как с ними следует говорить. Деревенские были немного вороватыми людьми, мимо какой-либо завалявшейся вещи они просто так не пройдут. обязательно к себе на двор утащат. Но попусту приставать к людям, лезть в драку с ними не полезут. С городскими они будут драться только в случае возникновения какой-либо суперважной причины в форме сельской девчонке, отказавшей сельчанину и приросшей к рабочему. Этот же молокосос с винтовкой мосинкой в руках, своей службой в милиции уклонялся от службы в действующей армии. Он себя в милицейской форме возомнил очень большой кочкой на деревенском болоте. Из-за своего пустого гонора он мог бы натворить черт знает, что! Его следовало бы остановить, пока не поздно! Он и так своим штыком до смерти напугал добрейшего Владимира Ивановича.

Васька, скинув с себя одеяло и, приняв положение «сидя», негромким голосом командовал:

– Эй, ты, молокосос, прекрати безобразничать! Убери штык своей винтовки от лица товарища полковника Решетова. Такое твое поведение ему может не понравится. Тогда на полковой гауптвахте тебе придется провести до конца своих дней! Да, и никакого поезда мы не взрывали. Вчера поздно поужинали, выпили на двоих бутылку водки и легли спать. Вы же нас, товарищи милиционеры, разбудили. К тому же без стука и соответствующего разрешения вошли в помещение нашего купе! Вы же должны были бы знать и вас этому, наверняка, этому учили! Как следует обращаться к командирам Красной Армии. Прежде чем обратиться к такому коман-

диру, рядовой красноармеец или сержант обязан у него на это получить разрешение! Вы же оба в наше купе ворвались без всякого на то разрешения, даже не постучав в дверь! Ну и как, товарищи милиционеры, мы должны к вам после этого относиться? Как к грабителям или как к нарушителям строгой армейской дисциплины? Так что благодарите бога, что я вас не пристрелил!

И Васька этим сельским глупцам милиционерам продемонстрировал свой большой маузер. Когда только он проснулся и начал говорить, то свою руку незаметно для милиционеров засунул под подушку. Сейчас же этот маузер Васька держал в своей руке. Стрелять в своих он, разумеется, не собирался, но его маузер произвел ожидаемое впечатление на местную милицию. Молокосос-уклонист тотчас отошел в сторонку от полковника Решетова. Он слегка спрятался за спину пожилого милиционера, исподлобья поглядывая то на Ваську, то на полковника Решетова. Тот же медленно приходил в себя после экзерсисов молокососа в синей милицеевской форме со штыком мосинки у своего лица. Затем полковник Решетов начал одевать свой армейский мундир, полковника РККА.

К слову сказать, на этих деревенских милиционерах наибольшее впечатление произвели не Васькины слова, а тон его голоса, которым он к ним обратился. Они практически сразу же его приняли за своего командира. Прекратили безобразничать, перебрались к двери купе и там подтянулись. Освободившееся пространство дало возможность Ваське присоединиться к Владимиру Ивановичу и тоже начать одеваться. С каждым предметом одежды, которые они на себя одевали, лица обоих милиционеров все более и более вытягивались. На их глазах пассажиры купе, на которыми они только что издевались, начали превращаться в командиров Красной Армии. Один из них становился полковником, а другой и того хуже – лейтенантом грозного НКВД.

Васька в талии перетянулся ремнем с пятиконечной звездой на пряжке. Затем он принялся выправлять за спиной гимнастерку, сзади он соорудил так называемый «ласточкин хвост». Такой забор гимнастерки под ремень считался высшим шиком среди среднего командного состава командиров-сотрудников центрального аппарата московского комиссариата НКВД СССР. Полковник Решетов, видимо, прослышал об этой моде, но в данный он всего лишь только неодобительно поцокал сквозь зубы в сторону Васьки.

В этот момент снаружи, с перрона послышался громкий командный приказ:

– Товарищи милиционеры, всех пассажиров вывести из вагонов поезда и построить на перроне. При этом все пассажиры поезда должны быть тепло одеты, вы должны присматривать за тем, чтобы никто из них даже случайно не обморозился!

Перрона, как такового, на этом полустанке, разумеется, не было. Среди леса на небольшой территории были попросту вырублены деревья. При въезде на эту территорию главный железнодорожный путь расходился еще на два ряда рельсов, чтобы затем они снова сошлись в один путь, когда состав будет покидать территорию этого северного полустанка. Это позволяло двум встречным поездам расходиться на этом полустанке. Третий же ряд рельсов использовался в качестве запасного пути. Сейчас именно на нем стоял состав поезда Москва – Архангельск.

Местные милиционеры начали небольшими партиями пассажиров выводить из вагонов поезда, выстраивая их в две шеренги перед каждым вагоном. Причем всех пассажиров того или иного вагона выстраивали именно перед этим вагоном. Когда все пассажиры были выстроены в шеренги перед своими вагонами, то перед ними появился человек. Он был одет в форму старшего лейтенанта НКВД с двумя ромбами на петлицах. В руках этот старший лейтенант держал простой жестяной рупор. Рупор он поднес к своим губам и произнес короткую, но весьма вразумительную речь:

– Товарищи пассажиры, прошу всех вас не волноваться! Сейчас мы произведем досмотр вагонов вашего состава. Если мы ничего не обнаружим, то очень скоро вы продолжите свой

путь! Если в каком—либо вагоне мы обнаружим что-либо подозрительное, то будут задержаны все пассажиры этого вагона для дальнейшей проверки и для допроса. Уже сейчас могу объявить, что мы задержим пассажиров десятого вагона, в котором произошел взрыв, а также всех членов поездной бригады.

Десятый вагон был последним вагоном в составе этого поезда. Причем, рядом с этим вагоном выстроилась в одну шеренгу самая маленькая по численности группа пассажиров. Если, разумеется, количество пассажиров этого вагона сравнивать с количеством пассажиров других вагонов этого состава. Как Васька и предполагал в их вагоне было всего лишь семнадцать пассажиров. По лицам этих семнадцати человек можно было легко догадаться о том, что все они себя чувствовали не в своей тарелке, что они явно попали в совершенно непривычную для себя обстановку. Все пассажиры были одеты в полувоенную одежду, но без знаков различия! Васька к этому времени знал, что такая форма одежды страшно нравилась, и ее любили носить партийцы высокого ранга и положения. Сейчас эти партийцы стояли, переминаясь с ноги на ногу, они пока еще не знали, как себя следует вести в данной ситуации.

Одинокой фигурой среди этих советских партийных деятелей выделялся генерал. Он стоял немного в стороне от партийных деятелей. На голове генерала была казацкая папаха, на плечах шинель отличного пошива. На отворотах шинели красовались три звезды, что соответствовало чину командарма третьего ранга. Этим командармом оказался именно тем пассажиром в бриджах, с кем Васька случайно столкнулся в коридоре вагона далеко за полночь. Тогда этот пассажир ему почему-то показался хорошо знакомым человеком, сейчас же при дневном свете он сразу же узнал этого командарма третьего ранга Красной Армии.

Командарм, видимо, тоже признал Ваську. Он его эдак пальчиком поманил к себе. Не обращая внимания на милиционеров, попытавшихся его остановить, Васька покинул свое место в шеренге пассажиров своего вагона. Сделав, как положено, три строевых шага, он подошел к командарму и вытянулся ним в струнку. Взял под козырек, громким, хорошо поставленным командным голосом доложил:

– Товарищ командарм, прибыл по вашему приказу!

– Ну, так что, лейтенант, ты меня узнал?!

– Так точно, товарищ командарм! Вы – Довлатов Петр Степанович, казачий корпус под вашим командованием сильно потрепал немцев под Москвой месяц тому назад!

– Да, месяц назад я командовал корпусом, а сейчас вступаю в командование армией. Следую к месту назначения! Не хочешь ли ты, лейтенант, присоединиться ко мне? Могу тебе предложить вакансию своего ординарца! Думаю, что мы сумеем поладить! Обещаю, что, начав служить у меня, ты быстро пойдешь в гору, станешь большим командиром Красной Армии!

– Хочу, Петр Степанович, но не могу!

Выход Васьки из строя шеренги, его разговор с человеком в генеральской шинели явно заинтересовал старшего лейтенанта НКВД, командовавшего милиционерами. Он подошел к ним и, стоя неподалеку, внимательно вслушивался в разговор Васьки с командармом Довлатовым. К этому времени этот старлейт уже успел команду своих оперативников отправить на осмотр купе вагонов поезда. Поэтому он не прерывал и не вмешивался в чужой для себя разговор. Когда разговор закончился, а Васька освободился, то старлейт подошел к нему и шепотом поинтересовался:

– Что этот мужик и в правду является знаменитым Довлатовым? Я его себе представлял совершенно не таким человеком!

– Да, это Довлатов! В недавнем прошлом он был генерал-майором Довлатовым, а сейчас он, как оказывается, стал командармом третьего ранга! Вступает в командование армией! Мой тебе совет, товарищ старший лейтенант, прикажи своим милиционерам освободить из-под стражи всех пассажиров нашего вагона!

– Это почему же?

– Ты, что не видишь ли, что все они – первые или вторые секретари обкомов партий! Если ты сейчас их не освободишь, то дерьма с ними не оберешься! Вскоре твое имя будут склонять на всех партийных собраниях. О тебе будут говорить только в негативном смысле, разумеется, на самом верху. Тогда тебе придется забыть о какой-либо служебной карьере!

– Что? И в нашей канторе такое может произойти?

– В нашей канторе подобное, старлейт, как раз и происходит!

– Ну, что ж, лейтенант, ты, возможно, и прав!

Старший лейтенант отошел от Васьки, к своим губам он поднес жестяной рупор. Над головами пассажиров и милиционеров снова послышался его голос. Он отдал короткую команду:

– Товарищи милиционеры, освободить из-под стражи всех, без исключения, пассажиров вагона номер десять. Только что закончился осмотр и обыск их вагона. Ничего подозрительного в нем не было обнаружено!

Делая такое объявление, старший лейтенант госбезопасности Афанасий Евлентьев откровенно лгал! Его оперативники ему только что доложили о том, что именно в этом вагоне в уцелевшем туалете они обнаружили небольшую холщовую торбу. В торбе лежали две красноармейские книжки, одно командирское удостоверение и очень странная перьевая ручка. В ней же находился небольшой лист бумаги, на которой чернильным карандашом был написано: «Эти вещественные доказательства прошу передать старшему лейтенанту Т. Я. Метелиной, следователю Следственной части центрального аппарата НКВД СССР». Внизу записки был приписан номер московского телефона.

Афанасий Евлентьев пока еще не видел ни документов, ни ручки, ни самой записки, но он все же решил последовать совету этого лощеного московского лейтенанта-чекиста. Так как хорошо знал о том, что ему не следует портить отношениями с руководителями партии. К тому же он был вполне уверен в том, что ни один пассажир этого поезда не сможет избежать его допроса, личного досмотра, если этого потребуют обстоятельства расследования взрыва в поезде. В данный момент Афанасий был внутренне доволен тем, что у него на руках появились первые предметы, доказывающие, что взрыв в купе бортпроводников десятого вагона произошел по чей-то злой воли! Теперь он может смело звонить в Москву!

Глава 2

1

Прибытие поезда Москва – Архангельск на перроне центрального вокзала в Архангельске встречало не так уж много народа. Все-таки была война! Поэтому многих граждан, встречающих поезд, попросту не пропустили на перрон вокзала. Они не имели пропусков для прохода на территорию железнодорожной станции, вокзала, ставшего военным режимным объектом. Война железной рукой внесла свои правила и ограничения для допуска простых граждан на военные объекты. Если среди встречающих поезд Москва – Архангельск, если и были гражданские лица, то встречающие их появление ожидали на привокзальной площади. На перроне этот поезд встречали одни только военнослужащие, командиры и красноармейцы Красной Армии.

Фельдфебель Вермахта Виктор Лацис, был латышом по национальности. Он добровольцем вступил в Вермахт, как только Латвия была оккупирована немцами. С отличием окончил Абверовскую школу и по призванию стал немецким диверсантом. Появление Васьки в Архангельске он ожидал на перроне, стоя рядом с выходом из вагона. Но, разумеется, к Василию, когда тот появился на перроне Виктор сразу же не подошел. Ему нужно было бы проследить, не привел ли этот чужак, лейтенант НКВД, за собой хвоста, не следили ли за ним энкеведешники?!

Сержант Виктор Лацис затерялся на перроне в небольшой толпе встречающих поезд младших командиров и красноармейцев. Своим внешним видом и одеждой он ничем от встречающих не отличался. В своем аккуратно залатанном красноармейском полушубке, в кирзовых сапогах со сбитыми каблуками, в шапке-ушанке на голове он более чем походил на обычного сержанта Красной Армии! По его виду и по поведению на перроне любой человек со стороны мог бы довольно-таки легко догадаться о том, что этот сержант, как и другие красноармейцы, толкущиеся на перроне, отправили на вокзал для встречи прибывающего этим поездом командира.

Васька Виктора Лациса прежде никогда не видел, да и вообще не знал и не слышал об его существовании. Да и Виктор Лацис тоже никогда его не видел. Тем не менее, когда Васька вышел из вагона на перрон, начал осматриваться вокруг. Он сразу же этого, казалось бы, неприметного сержанта выделил из общей толпы встречающих поезд красноармейцев! Васька, в принципе, не ожидал, но в душе надеялся на то, что кто-то будет его все-таки встречать на вокзале. Он никогда не бывал в Архангельске, поэтому этот город был ему совершенно незнаком. По этой причине Васька сильно опасался того, что заплутает в его хитросплетениях улиц этого провинциального городишки, разыскивая явочную квартиру!

Пятый месяц войны успел-таки наложить свой негативный отпечаток даже на такой незначительный факт повседневной человеческой жизни, как встреча на вокзале. Васька стал свидетелем того, как встреча на вокзале, совсем недавно бывшая радостной встречей родных и близких людей после разлуки, превратилась в некую формальность! В военное время вокзальные встречи, разумеется, происходили без цветов, без коробок конфет, без шампанского и радостных приветственных возгласов, криков и без поцелуев! Да, и женщин и детей среди встречающих на перроне попросту не было! Там были одни только мужчины, одетые в военную форму. Они подходили к друг к другу и перед тем, как приехавшему пожать руку, тянулись и козыряли! Произносились дежурные, ничего не значащие фразы, в которых и в помине не было выражения какой-либо особой радости по поводу этой встречи.

На полустанке Соколово, пока местные энкеведешники производили досмотр поезда, Васька, по просьбе-приказу командарма Довлатова, успел сбегать на пункт связи того полу-

станка. За небольшую мзду деньгами он сумел упросить старика телеграфиста отправить по телеграфному служебному аппарату Боду две очень короткие телеграммы. Они слово в слово повторяли друг друга. В них называлась дата и примерное время прибытия поезда в Архангельск. Единственным отличием в этих двух телеграммах было то, что каждая из них имела своего собственного адресата.

Васька хорошо понимал, что старший лейтенант Евлентьев обязательно обратит внимание на факт отправки им этих телеграмм. Что он обязательно прочитает их содержание, попросит Архангельское областное НКВД заняться проверкой их адресатов. Тем не менее, он сознательно пошел на риск, отправляя свою телеграмму с просьбой о своей встрече на вокзале. Васька понадеялся на то, что местные энкеведешники не успеют вовремя расшевелиться, не успеют организовать слежку за тем, как будет происходить его встреча на вокзале. Он исходил из того, что русские провинциалы слишком уж привыкли к своей спокойной, размеренной жизни. И даже сегодня, когда пятый месяц шла война, областное управление НКВД мгновенно не отреагирует на информацию Евлентьева по его вопросу.

Что касается явочной квартиры, на адрес которой была отправлена телеграмма, то она, разумеется, будет провалена! Но Ваську это обстоятельство совершенно не беспокоило!

Ваську больше беспокоил тот факт, что в любую минуту его могут арестовать, когда он после вокзала, не имея ни малейшего представления об Архангельске, примется разыскивать улицу и дом с явочной квартирой. Ведь, перед самой войной только некоторые крупнейшие города Советского Союза начали преобразоваться. Они перестраивались и становились современными городами с прямыми проспектами и улицами. Большинство провинциальных же городов СССР, как были до войны, так и оставались нагромождением частных домов и домишек с кривыми, не имеющими начала и конца улицами и косыми переулками. В переплетениях таких улиц и переулков Ваське было бы проще простого запутаться и заплутать! Задавать же прохожим вопросы, да еще в военные дни о том, где находится та или иная улица, было бы себе дороже! Горожане тебя тут же примут за немецкого шпиона, они о тебе тотчас же донесут в милицию! После чего придется сначала объясняться в отделении милиции, а затем, возможно, а затем и в городском управлении НКВД объясняться по вопросу, почему ты горожанам задаешь такие шпионские вопросы?!

Поэтому, естественно, отправляя свою телеграмму по известному ему адресу, Васька в душе лелеял надежду на то, что его все-таки встретят на вокзале. Сейчас же, когда он сержанта Виктора Лациса выделил из общей толпы встречающих красноармейцев, все очень походило на то, что его надежды оправдались. Да и сам сержант Лацис Ваську продолжал держать в поле зрения своих глаз, но на перроне он не бросился к нему для дежурного рукопожатия. Виктор следовал за Васькой, успевая одновременно оттираться немного в толпе красноармейцев, внимательными глазами обшаривая перрон. Вглядываясь в лица едва ли не каждого красноармейца, он пытался определить не видит ли перед собой чекиста?!

В этот момент Васька начал прощаться с полковником Решетовым. Тот вышел из тамбура вагона, несколько растерянно начал Ваське пожимать руку, оглядываясь по сторонам. Владимир Иванович явно ожидал, что кто-то его обязательно встретит прямо на перроне, но никто из красноармейцев к нему пока еще не подходил и не представлялся. Васька же мгновенно разобрался в том, что среди встречающих нет тех, кто бы встречал полковника Решетова, его нового друга.

К слову сказать, Владимир Иванович после того, как безусый сельский мальчишка принял его за буржуя и ему угрожал штыком мосинки изуродовать ему лицо, внутренне очень сильно изменился. Он как бы повзрослел на глазах Василия, стал меньше попусту трепать своим языком и, если собирался что-либо сказать, то начал задумываться над тем, как выразить свою мысль. Продолжая разговаривать, они оба продолжали стоять рядом со своим вагоном. В этот момент Васька аж нутром своим почувствовал, что в данный момент Решетову

после всего пережитого в купе поезда прошлой ночью совершенно не хочется, чтобы он его покинул и оставил бы одного на этом перроне. Хотя до здания вокзала идти по перрону было совсем ничего, но Владимиру Ивановичу явно не хотелось даже этот короткий путь проделывать в полном одиночестве.

Тем временем все прибывшие этим поездом пассажиры вместе со встречавшими их красноармейцами по перрону потянулись к зданию вокзала. То есть перрон потихоньку начал очищаться от людей, небольшими группами и группками пассажиров они проходили мимо них. Практически весь перрон перешел в движение, продвигаясь к зданию вокзала. Только Васька и Решетов, а также трое красноармейцев и этот долговязый сержант, привлечший Васькино внимание, по-прежнему, крутились у десятого вагона. Они же продолжали беседовать, оставаясь на месте, Решетов продолжал чего-то ожидать. Тогда Васька ему предложил вместе пройти до здания вокзала, но тот не принял его предложения, сказав:

– Ты, лейтенант, так что, давай, иди, шагай к вокзалу, меня не жди! Так как меня должны обязательно встретить!

Что касается трех красноармейцев, крутившихся поблизости от их вагона, то Ваське с ними было все ясно и понятно. Эти красноармейцы попросту не знали, что им делать. Командиры, на встречу которых их отправили, по какой-то причине не прибыли этим поездом, вот они и не знали, что им дальше делать, а возвращаться в часть обратно, им очень не хотелось! Виктор Лацис же крутился вокруг этих парней в красноармейской форме, он никак не мог понять, не переодетые ли они энкеведешники? Хотя здравый смысл ему постоянно нашептывал о том, что эти красноармейцы не имеют ни малейшего отношения к местному архангельскому управлению НКВД. Те, если бы решили проследить за прибывшим поездом немецким агентом, то, наверняка бы, вырядились бы в форму командира Красной Армии. Таковых же на перроне не осталось, они встретили своих товарищей и в данный момент уже подходили к зданию городского вокзала.

Когда Васька полковнику Решетову протянул свою руку для прощального рукопожатия, то со стороны вокзала до их ушей вдруг донесся топот ног, какие-то люди явно бежали по перрону. На всякий случай Васька выдвинулся вперед, загораживая собой полковника Решетова. Правую руку он на всякий случай положил на крышку деревянной кобуры своего доисторического маузера. Но вытаскивать пистолет из деревянной кобуры ему так и не пришлось. Очень скоро все увидели двух краснофлотцев с винтовками через плечо во главе с флотским лейтенантом, бежавших к вагону поезда со стороны вокзала.

Сильно запыхавшийся флотский лейтенант остановился в трех шагах от полковника Решетова. С флотским шиком он полусогнутыми в кулак пальцами коснулся мочки своего собственного уха, с ходу начав рапортовать полковнику:

– Товарищ полковник, прошу извинить за опоздание! Слишком поздно пришла телеграмма о точном времени прибытия вашего поезда! Разрешите мне представиться?! Лейтенант флота Алексей Федоров, направлен для вашей встречи, для вашего сопровождения до штаба Беломорской флотилии!

Полковник Решетов явно обрадовался появлению лейтенанта Федорова, он тут же дружески распрощался с Васькой, крепко пожав ему руку. Удаляясь под флотским эскортом, Владимир Иванович Ваське на прощанье сказал:

– Лейтенант, вы мне поверьте, но мое сердце мне же подсказывает, что мы обязательно еще раз встретимся!

В сопровождении флотского лейтенанта и краснофлотцев полковник Решетов пошел в сторону здания вокзала. К этому времени перрон практически полностью опустел, пассажиры и встречающие их красноармейцы уже вошли в здание вокзала. Васька слегка попридержал свой шаг, но совсем он не остановился, поджидая, когда долговязый сержант его догонит

и представится. Тот тотчас же воспользовался предоставленным случаем, ускорил свой шаг, что догнать Ваську. Вскоре они поравнялись и уже вместе зашагали к вокзалу.

– Фельдфебель Виктор Лацис! – На немецком языке, говоря вполголоса, долговязый сержант представился Ваське.

– Мы что и в дальнейшем будем разговаривать на немецком языке? – Васька поинтересовался тоже на немецком языке. – Не опасно ли это для нас? Вдруг нас кто-нибудь услышит? Ведь, тогда нас тут же обзовут немецкими шпионами!

– Да, мы и есть немецкие шпионы! Правда, мы не совсем шпионы, лучше было бы сказать, что мы немецкие диверсанты! – Уже на русском языке, без какого-либо акцента, проговорил Виктор Лацис. – Из Берлина поступила соответствующая информация, чтобы я при встрече поприветствовал бы вас этой фразой, господин штандартенфюрер!

– А затем проинформировал бы Берлин, как я отреагировал на это твое приветствие! Не так ли, господин фельдфебель? – Предположил Васька.

– Так точно, господин штандартенфюрер! – Чуть ли не в полный голос гаркнул Виктор Лацис.

– Они тебя проверяют, Васенька! Об этом психологическом тесте я кое-что слышал. Берлин проверяет качество твоего или, что было бы более правильно сказать, качество моего знания немецкого языка! Этот фельдфебель также специально начинает громко говорить, провоцируя тебя на то, как ты будешь на это реагировать? Ведь, если Советы тебя перевербовали, то ты на громкость голоса можешь не обратить внимания! Мой тебе совет, продемонстрируй этому долговязому фельдфебелю истинный характер немецкого офицера! Заткни ему горло, поставь его на место! – Альфред Нетцке мысленно посоветовал Ваське.

Васька остановился, развернулся лицом к фельдфебелю и на немецком языке произнес короткую рубленную фразу:

– Фельдфебель, с этой минуты ты забываешь о существовании немецкого языка. Будешь на нем говорить только с моего разрешения! Ты меня хорошо понял, господин фельдфебель?

– Так точно, товарищ лейтенант! Впредь между нами не будет какого-либо панибратства!

И действительно с этого момента Виктор Лацис превратился в исполнительного русского сержанта, истинного бойца Красной Армии! Они дошли до здания вокзала, прошли оба его зала ожидания, до упора забитыми красноармейцами и гражданскими лицами.

Сердце Васьки тревожно забилося, когда он увидела усталые, заплаканные лица молодых и пожилых женщин, их вместе с детьми должны были куда-то эвакуировать. В ожидании отправления своих поездов они проводили время в залах ожидания вокзала. Эти женщины вместе со своими детьми в прямом смысле сидели на чемоданах. Большинство детей были слишком малы по своему возрасту, чтобы осознавать, что за стенами вокзала идет страшная война. Дети повзрослей, особенно мальчишки, носились по обоим залам ожидания, играя в свою мальчишескую войну. Один такой карапуз взобрался на гору из фибровых чемоданов. С вершины этой горы, которая могла в любую минуту рухнуть, он кричал во весь свой голос:

– Мама, мы победим, мы обязательно победим фашистов!

Его мать с заплаканными глазами, ломая руки, бегала вокруг этой кучи чемоданов, умоляя ей помочь, снять сынишку с этой кучи чемоданов. Васька одними глазами как бы приказал Виктору Лацису помочь убитой горем матери утихомирить развоевавшегося малыша. Сержант, выполняя его приказ, свои руки протянул к этому малышу, успех схватить его в охапку за мгновение до того, как развалилась эта куча из чемоданов. Сержант Лацис парнишку нежно прижал к своей груди, начал рукой гладить по его головке, успокаивая:

– Молодец, парнишка! Вырастешь, станешь хорошим красноармейцем!

– Я не хочу вырастать! Хочу прямо сейчас драться с фашистом! – Упрямо заявлял свое этот неугомонный малыш.

Сержант Лацис осторожно малыша передал на руки его матери. Тихим голосом ей посоветовал:

– Ты уж лучше за своим малышом приглядывай, а не то он действительно на фронт убежит! Слишком уж у него решительный характер!

Уже на привокзальной площади Васька поинтересовался:

– Ну, и как, сержант, мы с тобой будем добираться до места назначения? Надеюсь, что оно находится не очень далеко от города?!

– Да, очень просто, товарищ лейтенант! До места назначения мы будем добираться простым советским автомобилем! Этим автомобилем нам предложили воспользоваться местные товарищи! Архангельская область – это самая настоящая глухомань! Наша база в этой области построена на берегах одного озера, туда ведет одна единственная дорога. К ночи мы к этому озеру обязательно доберемся!

На привокзальной площади их ожидала простая советская «Эмка». Виктор Лацис, похозяйски, расположился за ее рулем. Двигатель автомобиля был хорошо прогрет, он завелся с первого оборота стартера. Выехав с привокзальной площади, «Эмка» неторопливо проехала несколько городских улиц, прежде чем выехала на одно из пригородных шоссе. На выезде из города автомобиль остановил милицкий патруль. Командир патруля усатый капитан милиции тщательно проверил документы сержанта Лациса. Так и, не произнеся ни единого слова, капитан вернул обратно документы сержанту. Затем он козырнул и, пожелав доброго пути, пропустил машину.

Как Васька мог видеть через свое окошко, они практически сразу же за городом въехали в лес, поехали по прекрасной лесной дороге. Виктор Лацис, как бы угадав Васькины мысли о дороге, коротко сообщил:

– Эта дорога более или менее наезжена, снег хорошо укатан. Вот наша машина и катит, словно мы едем по асфальту. Но никакого асфальта на этой дороге нет. Весной и осенью по ней разве что на танке можно проехать.

Но Васька не поддержал этого разговора с сержантом. Сидя на заднем сиденье, он некоторое время размышлял о том, что слишком уж вольготно этот бранденбуржец себя чувствует в Архангельске. Видимо, местная Абверовская группа имеет свои глаза и уши, своего человека в областном управлении НКВД. Этот агент и обеспечивает членам всей этой группы надежное прикрытие.

Поездные мытарства все-таки его сильно измотали, Васька не заметил, как заснул.

Виктор Лацис, видимо, ожидал этого момента, он немногим позже остановил машину. Повернулся назад, принялся внимательно рассматривать спящего Ваську. Из притолочного карманчика фельдфебель достал шприц с какой-то заранее набранной жидкостью. Вышел из машины, открыл дверцу заднего сиденья, чтобы Ваське сделать укол в плечо прямо через одежду. Затем он вышел на дорогу. Некоторое время неподвижно простоял, всматриваясь в том направлении, где должно было находиться село Лыткарино. Вскоре на дороге показалась черная точка. И хотя уже начало темнеть, декабрьские дни были короткими, эта точка была хорошо была заметна на дороге на белом снеге. Дорога была занесена чистым белым снегом. Вскоре точка превратилась в крестьянские сани, запряженные в одну лошадь. За вожжами саней сидел какой-то мужик, по самую голову закутанный в крестьянский тулуп.

– Ну, а как там поживает мой благоверный? – Грудным женским голосом поинтересовался этот самый мужик в тулупе.

– С ним все в полном порядке, уважаемая госпожа! Он теперь проспит до самого утра. Он ничего не будет помнить из того, что с ним происходило ночью! – Вытянувшись по стойке смирно доложил фельдфебель Виктор Лацис. – Все было исполнено по высшему разряду! Вот только обер лейтенанту Фердинанду Коху не повезло. Ему не удалось инсценировать похище-

ние секретных бумаг! Ваш будущий муж отправил его в безвозвратное путешествие в небеса, моя фрау!

– Я же его заранее предупреждала, чтобы он не шутил с моим увальнем! Нет, Фердинанд мне, видимо, так и не поверил! Решил поиграться в кошки мышки с моим Альфредом, вот парень и доигрался! Видимо, не заметил, как сам из кошки, превратился в мышку! Ну, да, ладно, фельдфебель, времени у нас мало! Так что давайте вдвоем моего благоверного перегрузим в сани! Дальше я его уже сама повезу!

Женщина скинула с себя тулуп, чтобы превратиться в изящную и красивую блондинку Эльзу, одетую в летний теплый комбинезон. По ней Васька очень часто вздыхал, вспоминая время, проведенное вместе с ней в Зазеркалье! С большим трудом они тело Альфреда из салона автомобиля перетащили в деревенские сани. Там Эльза своего спящего Альфреда укутала в крестьянский тулуп. Он оказался настолько большим, что его вполне хватило и ей самой им прикрыться. Вскоре ее сани заскользили по снегу в сторону селения Лыткарино.

Фельдфебель Виктор Лацис снова сел за руль «Эмки», ловко ее развернул, не съезжая с дороги. Он укатил обратно в Архангельск, возвращаясь в город той же дорогой. К этому времени совсем стемнело, но фельдфебель так и не включал фар автомобиля. Полная Луна прекрасно высвечивала ему дорогу!

2

Васька проснулся от воспоминаний, сновившихся ему всю ночь напролет. Причем всю ночь повторялся один и тот же, но чудесный сон. Что он лежит на широкой кровати, а рядом с ним находится его Эльза! Сон парня получился особенно ярким и запоминающимся в основном из-за того, что он мог в любую минуту прижаться к Эльзе, всем своим телом ощущая шелковистость, нежность и тепло всего ее тела, а главное, нежность и податливость ее груди! Порой в этом сне Васька с Эльзой занимался любовью! От этого чудесного и волшебного сна Васька приходил в настоящий восторг! Он не позволял Эльзе заснуть, снова и снова он ее тормошил, ласкал и заставлял ее заниматься любовью!

Даже во сне Васька ощущал, что Эльза, как его женщина, над ним имела полную власть! Сегодня ночью она могла бы от него потребовать все то, чего бы не пожелала, а он ни в чем бы ей не отказал! Но Эльза от него ничего не требовала, а она вместе с ним наслаждалась любовью! Она была его женщиной, мускусный запах ее тела, ответные поцелуи и женская страсть Ваську попросту сводили с ума! В иные моменты ее ласок Васька все же терял голову и со звериной страстью он снова и снова набрасывался на нее, на свою любимую женщину, сливаясь с ней воедино! И вся эта любовь Ваське только снилась всю ночь напролет. Он хорошо знал, что Эльза далеко за линией фронта, что она попросту сейчас не может с ним быть!

Когда за окном начало светать, когда Васька открыл глаза, то он поразился тому. Что рядом с ним спала обнаженная женщина. Она силуэтом своей фигуры очень походила на Эльзу. Но Васька лица ее не видел, так как женщина, похожая на Эльзу, спала лицом к стене. Но этот запах ее тела парня привлекал, тянул к себе. Сначала он коснулся ее спины, затем коснулся ее бедер, все это для его рук было привычным и знакомым! Даже тепло ее тела Ваське показалось хорошо знакомым. Такою всегда для него была Эльза!

В этот момент женщина, похожая на Эльзу, поменяла свою позу, она, все еще продолжая спать, к нему повернулась грудью. Васька аж ахнул про себя от великого удивления, когда в ареоле ее правого соска он увидел хорошо ему знакомую родинку-мушку. Ведь в Зазеркалье он ее целовал столько раз, но нацеловаться так и не смог. Лица женщины, так похожей на Эльзу, Васька, по-прежнему, не видел, потому что он не сдержался и своими губами прильнул к этому столь желанному соску, он начал его приминать своим языком, лаская. Эльза в Зазеркалье ему частенько говорила, прижимаясь к нему всем своим телом:

– Васенька, ты мой родной, ты же всю мою грудь истерзал, ничего другого не замечая! Видимо, мама тебя в детстве грудью очень мало кормила?! Только ты, Васюля, не останавливайся, а продолжай меня ласкать! Я все от тебя вытерплю!

Вот и в данный момент Васька только этим неугомонным соском и родинкой занимался, ничего вокруг себя не замечая! Самым кончиком языка он трепетно его касался сосочка, мягко приминал своими губами, чувствуя, как с каждым его касанием этот сосочек под его языком и губами прямо-таки окаменевал! Васька настолько увлекся этой лаской, что до него с большим трудом доходило само понимание того, что он не один находится в постели, что рядом с ним лежит прекрасная и обнаженная женщина! В один из моментов ласки до Васькиных ушей вдруг донесся сладчайший женский стон! И этот стон был ему хорошо знаком. Он на секунду прервал свои ласки своим языком, чтобы поднять голову и взглянуть на партнерше, но этот момент властная женская рука, прижимая его голову к груди, ему напомнила о том, что нельзя на полпути прерывать свою мужскую работу! Васька аж взвыл по-звериному, почувствовав мягкость и одновременно упругость прижимавшегося к нему всего женского тела. Уже не он, не Васька, а его звериная страсть эту женщину подмяла под себя.

Вскоре он и она, оба расслабленные любовью, лежали, крепко обнимая друг друга. Только тогда у Васьки появилась возможность поднять голову и взглянуть на лицо женщины! К этому времени его тело ему уже не раз подсказывало, что он должен был увидеть свою любимую и родную Эльзу, по ней все это время он так скучал! Тело и сердце Ваську не обманула, рядом с ним лежала Эльза, он бросился целовать родное, любимое лицо своей немки Эльзы. Продолжая целовать Эльзу, Васька никак не понимал, как же такое вообще могло бы случиться, чтобы они вместе всю ночь провели в одной постели, наслаждаясь друг другом?! Но его Эльза лежала рядом с ним, она свою голову запрокинула за подушку и, закрыв глаза, время от времени так сладострастно и одновременно так призывающе постанывала под его поцелуями и ласками!

Видимо, Эльза почувствовала, что Васька ее разглядывает, прервав свою столь нужную ей работу, она приподняла веки своих громадных глаз. Уголками губ она своему мужчине ласково улыбнулась, в ее глазах заиграли веселые чертики, и Эльза тихим шепотом произнесла:

– Наконец-то, Васька, я тебя нашла, и ты в моих объятиях! Но сейчас, Васюлинька, только-только начало рассветать! До вылета в нашем распоряжении целая уйма времени, но я ни минуты из него не желаю потерять! Так что, давай, докажи, что ты меня, Васенька, очень любишь. Очень надеюсь на то, что боженька за такие наши труды нам подарит и мальчика, и девочку! Да и, как практичная немецкая женщина, я хотела бы тебе, мой любимый, напомнить о том, что, помимо языка и губ, у тебя имеется еще две руки. Для них я тебе могу сама очень многое предложить!

Животная страсть снова захватила Ваську, она его, как самца, прямо-таки швырнула на любимую женщину. В тот момент глаза Эльзы снова были прикрыты веками от испытываемого наслаждения! Но она почувствовала, как в Ваське разыгралась звериная страсть, она сумела вовремя раскрыться, чтобы погасить эту страсть. Через мгновение мужчина и женщина снова слились в единое целое!

– Ты как здесь оказалась? – Приходя в себя и, с большим трудом шевеля языком, задал нескромный вопрос Васька.

Эльза, молча, и ловко всем своим телом на него взобралась. Ей удалось всем своим телом разместиться на теле своего русского парня! В свое время Васька ей рассказал о своем перевоплощении, о своем симбиозе с немцем Альфредом Нетцке, так как считал у него не должно быть тайной от любимой женщины! Свой подбородок Эльза положила на руки, сложенные в локтях. Продолжая лежать на своем Ваське, она своих глаз с него не сводила, ощущая, как тепло их тел переливается друг в друга. Между нами говоря, Эльза очень любила этого здорового парня, ей было все равно, кем он был русским или немцем! Но ей очень нравилось своего любимого называть, то Васюлей, то Альфредиком. Усталым голосом Эльза произнесла:

– Я приехала к тебе. Можно было бы сказать и так, я приехала за тобой в Минск, но тебя там почему-то не оказалось. Просидела в городе без дела месяц, ожидая, когда же ты, Альфред, вернешься! Но ты так и не вернулся! Тогда я обратилась к твоему другу, к Курту фон Круге. Попросила его мне помочь тебя разыскать! Ну, вот он мне и помог найти тебя в этом захолустье на дальнем Севере Советского Союза. Дальше все было очень просто, мне пришлось сесть за штурвал своего «Хенкеля», чтобы прилететь сюда за тобой!

– Я и не знал, что ты еще умеешь пилотировать самолет! —

Как кот промурлыкал Васька, обнимая Эльзу и плотнее прижимая к ее телу. Объятия были настолько сильны, что Эльза почувствовала, как в нем снова возрождается мужчина!

– Ты не знаешь, но я много чего еще умею делать! Теперь ты до конца своей жизни будешь удивляться всему тому, что я умею делать! Я тебя надолго теперь никуда не отпущу, мой дорогой! Да и, пожалуйста, уже рассвело, так что ты уж ведай себя более прилично! Мы же с тобой находимся на базе диверсионно-разведывательной группы Абвера, расположенной глубоко в тылу противника. В эту комнату в любую минуту могут войти и другие люди. Думаю, что нам следует все же одеться! И утихомирь своего дружка, сейчас нам этим делом больше некогда заниматься! Всю ночь ты так и не дал мне заснуть!

С этими словами Эльза ловко скатилась с Васьки. Совершенно обнаженной она вскочила на ноги, прошлась по помещению. Не трудно было догадаться, что этой молодой женщины попросту потребовались восхищенные взгляды своего мужчины!

В таком бесстыжем виде она, не особо стесняясь восхищенных Васькиных взглядов, начала носиться по комнате, собирая предметы своего дамского туалета, в беспорядке разбросанные по всему помещению. Облокотившись на локоть правой руки, Васька с замиранием сердца, с тихим обожанием наблюдал за своей Эльзой. Эта женщина ему принадлежала всю ночь, от одной такой сладкой мысли все мутилось и плыло в Васькиной голове! Ему совершенно не хотелось понимать на ноги, одеваться. Он был готов вместе с Эльзой до скончания веков проваляться в одной постели! Но до сознания парня с трудом, но все же дошло понимание всей необходимости и самого себя привести в порядок, по крайней мере, одеться. Они оба, как бы ни счастлив был Васька, но даже он соображал, что они оба находятся за вражеской линией фронта! Там они придерживаться определенных правил поведения на людях, созданные не ими, но обязательные для них обоих.

Когда они оба оделись, то послышался чей-то стук в дверь их комнаты.

– Входите! Дверь не заперта! – Прокричала Эльза, стоя у зеркала, помадой проводя по своим губам.

Дверь распахнулась, на пороге комнаты появились два человека, один был пониже, другой бы повыше ростом, но они оба были одеты в одинаковые черные комбинезоны. Такие комбинезоны, как помнил Васька по временам своей работы в Минске, обычно носили курсанты Абверовских школ по подготовке диверсантов. На комбинезонах не было каких-либо знаков различия. Но по их манере держаться этих двоих, Васька сразу же предположил, что оба человека были кадровыми офицерами. Первым заговорил более низкий по росту человек. По его слову Васька, то есть Альфред Нетцке, сразу же почти автоматически определил, что он был немцем родом из Нижней Силезии.

Человек в комбинезоне почему-то заговорил, обращаясь к Эльзе. Та же продолжала наводить красоту на свое и так красивое лицо, это, разумеется, по мнению Васьки. В данный момент Эльза карандашом подводила свои брови.

– Фройлян Тиссен ... – Он начал было говорить, но та его тут же прервала, сделав короткое замечание.

– Теперь вы ко мне можете обращаться, как к фрау фон Нетцке! – Продолжая карандашом подрисовывать правильную дугу своих бровей. – Я нашла-таки своего мужа. Как это

в сказках говорится, мы, наконец-то, воссоединились после долгой разлуки! Так что завтра вместе с ним я вылетаю в Берлин!

– Поздравляю вас фрау Нетцке с выходом замуж за достойного человека! Но не могли бы вы нас оставить на минуту, чтобы мы могли бы наедине переговорить с штандартенфюрером СС Альфредом Нетцке по секретному вопросу.

– Думаю, что с моим мужем вы можете переговорить и в моем присутствии! Как зондерфюрер СС, как референт IV управления РСХА, я обладаю правом высшего допуска ко всем государственным секретам. Так что, господа офицеры, как вы понимаете, свои секретные дела вы можете обсуждать и в моем присутствии.

– Госпожа зондерфюрер СС, прошу меня извинить за наивность, проявленную по отношению к вам! – Человек в черном комбинезоне тут же принес свои извинения Эльзе.

Затем он снова повернулся к Ваське. Сначала критическим взором он оглядел его форму лейтенанта охранных войск НКВД СССР, а затем заговорил, обращаясь уже к одному только Ваське:

– Господин штандартенфюрер СС Нетцке, позвольте вас поприветствовать с успешным выполнением задания на территории противника, а также с возвращением на родину! Господин адмирал Канарис по этому случаю прислал вам поздравительную радиограмму! – Человек в комбинезоне протянул Василию аккуратно сложенный лист бумаги. – Прошу меня извинить за то, что я должным образом вам не представился. Так как, выполняя задание на территории противника, не могу назвать вам своего настоящего имени и звания! Сейчас прошу вас ознакомиться с содержанием радиограммы, после чего продолжим наш разговор.

Васька, так и не сказав в ответ ни единого слова, отошел к окну, чтобы прочитать послание Канариса. Оно было очень коротким: «Поздравляю с возвращением на родину. Фюрер доволен тем, как вы выполнили свое задание в Москве. Жду вас обоих в Берлине!». В этот момент Васька почувствовал, как Эльза, опять-таки не стесняясь присутствующих в помещении других людей, прижалась к нему, желая прочитать содержание записки Канариса.

– Если судить по содержанию этой записки, то ты, мой дорогой муженек, очень скоро станешь группенфюрером СС. – Сказала она и, не удержавшись, накрашенными помадой губами чмокнула его в небритую щеку. – Тебе следовало бы побриться, а то я укололась о твою трехдневную щетину! – Затем принялась своей рукой стирала отпечаток помады, оставшейся на Васькиной щеке.

Васька улыбнулся, чувствуя умиления к этой женщине, несколько часов назад ставшей его женой! Затем он вернулся к двум офицерам, продолжавшим оставаться в помещении.

– Господа, я в вашем распоряжении! Судя по содержанию записки, основной моей задачей на данный момент является возвращение в Берлин?!

– И не только перелет в Берлин, господин штандартенфюрер! Мы только что получили приказ из Берлина, который требует, чтобы мы ввели вас в курс дела по планируемой операции «Прыжок барса». Для этих целей я решил вас познакомить со своим начальником штаба. Прошу вас любить и жаловать господина Никто!

С этими словами человека в черном комбинезоне вперед выступил более высокий человек в таком же безликом черном комбинезоне, которого называли господином Никто. Он коротко, по-армейски, козырнул Ваське и произнес:

– Где вы, господин штандартенфюрер, желаете поговорить со мной? Мы можем поговорить и в этом помещении? Или, если вы того пожелаете, то можем пройти в помещение штаба нашего подразделения? – Вежливо поинтересовался господин Никто.

– Я же вас, господа, должен сейчас покинуть! Даже находясь глубоко в тылу противника, у офицера любого подразделения Вермахта всегда найдется много срочных дел – Произнес человек в черном комбинезоне. – Прошу вас, господа, меня извинить. Вам же, фрау фон

Нетцке, хочу сказать, что даже в условиях суровой русской зимы, вы сохраняете ослепительную красоту и очарование немецкой женщины!

– По-другому и не может быть! – Сказала, словно отрезала, Эльза и последний раз взглянув на себя в зеркало, повернулась к Ваське и голосом невинной девчонки попросила:

– Альфред, я не думаю, что ты будешь возражать, если я вместе с тобой пройду в штаб этого подразделения полка «Бранденбург»?!

Эта ее фраза произвела неприятное впечатление на обоих бранденбуржцев. Они сумели сдержаться, никак не прореагировать на Эльзину выходку, сохранив каменные выражения безразличия ко всему на свете на своих лицах. Васька же почувствовал, что в душах этих немецких офицеров забушевал настоящий ураган возмущения. Посмотрев на Эльзу, он увидел, что в ее глазах кувыркались и бесились веселые чертенята! Она сознательно произнесла предыдущую фразу. Эльза явно что-то задумала, она встала на путь воплощения этих планов в жизнь. Решив не вмешиваться в ситуацию, Васька сказал:

– Господа офицеры, благодарю вас за помощь и организацию встречи на Архангельском вокзале! Я искренне вам признателен за все то, что вы сделали для меня! Но, господа, меня до сих пор не проинформировали о том, когда за мной прилетит самолет?

– Гидросамолет уже здесь, стоит в нашем ангаре! Время вылета должна определить сама фрау Нетцке, она пилот этого гидросамолета! Вы, господин штандартенфюрер, переходите в ее подчинение сразу же после ознакомления с планом «Прыжок барса»! А сейчас, госпожа зондерфюрер, господин штандартенфюрер, позвольте с вами отклоняться? – Оба, словно роботы манекены, разом развернулись через левое плечо и, едва ли не в ногу, затопали к выходу из комнаты.

Когда за ними захлопнулась дверь, Васька повернулся к своей Эльзе, ее обнял и, нежно поцеловав в щечку, поинтересовался:

– Может быть, ты все-таки поделишься своими планами? По словам этих офицеров, получается, что ты, моя дорогая, являешься чуть ли не командующим офицером этого подразделения полка «Бранденбург»?!

– Да, что ты, любимый, мне говоришь? Ты явно заблуждаешься, предполагая, что я являюсь большой шишкой в РСХА. Я же простая референт-машинистка IV Управления РСХА! Да и то там я работаю только в свое свободное время! Рейнхард Гейдрих, мой старый знакомый, узнав, что я лечу за тобой под Архангельск, обратился ко мне с просьбой, когда я тебя встречу, то у тебя поинтересоваться, что это за игру адмирал Канарис начал вести с Лаврентием Павловичем?

Васька от этой произнесенной Эльзой фразы окаменел всем своим сердцем. Все еще продолжая обнимать Эльзу, он подумал о том, что его любимая Эльза на деле его не любит, а попросту использует в каких-то своих целях! Она прибегла к постели, что его использовать для выкачки из него данных, хранившихся в его мозгах! Этим и объясняется его крепкий сон, более похожий на беспамятство! Видимо, этот чертов фельдфебель Виктор Лацис накачал его какой-то снадобьем. Оно могло быть типа энкеведешной сыворотки правды! Что бы фройлян Тиссен затем в постели могла бы так называемой любовью и лаской, выкачать из него все хранимые им секреты о переговорах с Берией и Сталиным!

По-настоящему любящие женщины всегда более чувствительны, быстрее соображают любого мужчины, которые их любят! По ослаблению мужских объятий, прекращению ласок руками, Эльза сразу же заметила и обратила внимание на изменившееся поведение Васьки. Ей не составило особого труда догадаться о мыслях, начавших витать в голове этого ею любимого, но пока еще бестолкового мужчины! Теперь уже она начала своим телом прижиматься к Васьки, подставляя свою грудь под его неловкие руки. Острыми зубками она даже сильно укусила его за мочку уха, чтобы сладким голосом опытной совратительница прошептать ему на ухо.

– Дурачок, ты мой! Неужели ты мог подумать о том, что я тебя разыскивала, легла с тобой в постель по приказу какого-то там Гейдриха. Рейнхард – мой друг, я ему кое-чем обязана, но пошел бы он ко всем чертям со всеми своими просьбами, когда речь идет о тебе, Альфред! Если нужно, то я готова предать все и вся ради того, чтобы всегда быть с тобой рядом! За ночь, проведенную вместе с тобой, я готова конец своей жизни провести в тюрьме!

– Это ты к чему вдруг упомянула о тюрьме? – Искренне удивился Васька.

– Да, черт его знает, почему мысль о тюрьме вдруг возникла в моей голове? Может быть, это произошло потому, что ты занимаешься не стабильным бизнесом! Тайная война – это для настоящего мужчины, конечно, очень увлекательное дело, но это и очень уж не стабильный бизнес! Так мне всегда говорил мой папаша! Он и сейчас предлагает моему будущему супругу передать в траст миллионы дойчмарок или американских долларов для создания и развития своего собственного дела в любой стране мира! Так что ты, Альфредушка, можешь в любой момент со своих плеч скинуть мундир штандартенфюрера, чтобы превратиться в обыкновенного немецкого или американского бизнесмена! Я же тебя буду лелеять, кормить вкусными блюдами немецкой кухни. Каждый год буду тебе рожать ребенка, пока ты не скажешь, хватит, их у нас с тобой детей более чем достаточно!

– Знаешь, Эльза, однажды ты мне приснилась с ребенком на руках!

– Что ж, это вполне естественно! Для того мы, женщины, существуем на этой земле, чтобы в этот мир приносить новых людей!

– Да, это так! Где-то я согласен с тобой в отношении основной роли женщины в этом мире! Когда-то мы, мужчины, вырезали целые государства, ради обладания одной только женщиной! Я же хочу сказать, что ты мне приснилась в тот момент, когда мне было особенно трудно и плохо, когда...

Эльза своей рукой прикрыла Ваське рот, а свою грудь снова подставила под его руку.

– Не надо, дорогой! Не продолжай мне дальше рассказывать о том, что с тобой происходило! Сказанных тобой слов мне вполне достаточно для того, чтобы понять, что ты меня любишь! Хочешь, милый, я для тебя снова разденусь?

– А как же местные крысы? – Хриплым голосом и с придыханием поинтересовался Васька. – Они же нас, наверняка, ждут!

– Думаю, что они уже не ждут! Эти крысы не поленились, они повсюду в этом помещении свои жучки прослушки надели. Видимо, хотели подслушать, как мы с тобой будем милоститься. Я едва ли не все ногти со своих пальцев содрала, разыскивая и отдирая от стены эти самые жучки! Полночи этим делом занималась, прежде чем в твою постель забралась! Но ведь, пара жучков могла и остаться!

Все последующее с Васькой произошло само собой, он сосредоточился и мысленно просканировал комнату, разыскивая в ней жучки прослушки. На данный момент их в помещении не оказалось! Видимо, ночью Эльза все хорошо поработала, она все их до одного нашла и уничтожила!

– Знаешь, Эльза! – Сказал Васька, целуя ее грудь. – У меня есть лучшее предложение!

– Какое, милый! – Спросила женщина, в этот момент она старалась сделать так, чтобы в Васькином распоряжении снова оказался шаловливый сосок своей левой груди. – Говори быстрее, а не то я вся истеку в ожидании...

– К занятию любовью мы вернемся, переговорив с этими крысами по делам в их штабе! Тогда в нашем полном распоряжении будет весь вечер и вся ночь. Завтра рано утром мы вылетим в Берлин! Ну так, что ты думаешь по этому моему предложению? Согласна или нет, дорогая?

– Да, я давно была согласна выйти за тебя замуж, Альфред! Если ты эту встречу с этими крысами считаешь необходимой, то, давай, одевайся и пошли в штаб. – В этот момент Эльза все-таки обратила внимание на то, что Васька был одет в форму командира Красной Армии. –

Альфред, почему ты на себя натянул эту советскую униформу? Я же, дура, совсем забыла тебя предупредить о том, что заранее для тебя подготовила другую одежду! Так что быстренько беги в душ! Если хочешь я помогу тебя помыться в душе?

– А где находится этот самый душ? – Искренне удивился Васька.

– Вот за этой дверью! – Эльза показала на дверь, о ней Васька подумал, что эта дверь вела в чулан дома.

– Тогда мне будет лучше помыться без тебя, дорогая! Мыться вместе с тобой – это снова искушать дьявольскую страсть любви! Тогда из души мы выберемся где-нибудь только под вечер! Ни о какой деловой встрече не может быть и речи!

– В душе нет такого количества подогретой воды! Там всего лишь одна бочка теплой воды. А потом, почему ты считаешь, что моя к тебе любовь – это дьявольское наваждение?

– Я так не говорил, дорогая! Я сказал только о том, что, если ты ко мне присоединишься в душе, то я не смогу выдержать искушения, чтобы снова и снова тобой обладать. Творя любовь сильней моего разума!

– Вот так-то это звучит гораздо лучше, дорогой! Я, Эльза фон Нетцке, твоя любовь и твоя жена. Как только мы окажемся в Берлине, то сразу же оформим наши документы!

– Но я же не фон Нетцке, а просто – Нетцке!

– С той минуты, которая нас соединила, ты вошел в семью фон Тиссенев, стал фоном Нетцке. Для этого я заранее подготовила все необходимые документы. Тебе лишь следует их только подписать!

– Это прозвучало так по-немецки!

– Зато ты, мой дорогой, последнее время почему-то звучишь очень по-русски! Видимо, слишком уж много времени ты провел среди русских людей, что порой даже думаешь по-русски?! Ночью во сне, признаваясь мне в любви, ты говорил то по-немецки, то по-русски! И знаешь, дорогой. Я почему-то очень хорошо тебя понимала на обоих этих языках!

3

По дороге в штаб Ваське пришлось пройти по центральной тропе лесного лагеря Абверовских диверсантов, расположенного в глухомани Архангельской области. В самую последнюю минуту перед тем, как покинуть помещение, отведенное им на базе, Эльза отказалась вместе с ним идти в штаб. Она сказала, что ей до чертиков надоело слушать пустую мужскую трепотню о так называемых операциях тайной войны.

– Дорогой, лучше уж я займусь подготовкой к полету своего «Хенкеля», а то эти оболтусы, наши авиамеханики, хороши только на одних словах! А на деле в последнюю минуту мне придется за них все переделывать! Так что ты, дорогой, отправляйся в штаб, я же сбегая в ангар, повоюю с самолетом! Встречаемся здесь же, в этом помещении через четыре часа! Постараюсь нам обоим приготовить какой-нибудь хороший, но очень легкий Рождественский ужин. Я должна постараться и тебя подкормить калориями, ведь тебе придется тяжело поработать всю предстоящую ночь! Ты, паренек, во мне разжег что-то такое, что этой ночью теперь я не дам тебе поспать!

Они вдвоем покинули свой небольшой домик в одну комнату. Эльза тут же повернула в сторону озера, на ходу чмокнув Ваську в подбородок. Васька же в одиночестве поплелся по центральной аллее вражеского лагеря.

Для сохранения тепла их деревянный домик был со всех сторон обложен брикетами утрамбованного, плотного снега. Даже его крыша была заложена аналогичными снежными брикетами. Но это было сделано и в целях маскировки, чтобы вражеская авиаразведка случайно не обнаружила бы их лагерь.

Васька, следуя заранее полученным инструкциям, а также советам Эльзы, несколько сотен метров прошел по центральной тропе этого немецкого зимнего лагеря. Тропа была не очень широкой, но на ней свободно могли бы пройти три человека в ряд. К тому же

тропа была хорошо утоптана, Васькины сапоги не оставляли в ней глубоких следов, его сапоги на утоптанном снегу почему-то совсем не скользили. Посматривая по сторонам, Васька своими собственными глазами убеждался в том, что эта секретная база Абверовской диверсионно-разведывательной группы «Альберт» мало чем походила на лагерь-бивак советских партизан.

Еще в начале войны Ваське частенько приходилось посещать подобные партизанские становища. Там он собственными глазами мог наблюдать, что красноармейцы, решившие стать партизанами, первым делом себе рыли землянки. В них могли бы свободно размещаться от отделения до взвода партизан. Причем следует откровенно признать, что партизанские лагеря чистотой и аккуратностью не отличались. Очень часто партизанские стоянки имели бестолковое расположение жилых и служебных землянок. Только один лагерь партизанского отряда товарища Николая Деревянко имел продуманный план своего расположения, что Ваське очень понравился. Командир отряда Николай Деревянка вместе со своим штабом заранее продумывал место расположения той или иной землянки. Дежурный взвод его отряда отвечал не только за охрану лагеря, но и за поддержания в нем чистоты и порядка. Его партизанский отряд своим лагерем чем-то напоминал расположение полка Красной Армии.

В этом же лагере ДРГ «Альберт» Ваське вообще не увидел каких-либо партизанских землянок. Он представлял собой несколько сборных одноэтажных домиков, разбросанных на небольшой площади по лесу, а также два не очень больших барака, расположенных на берегу озера. До войны эти строения и бараки были пионерским лагерем, построенным в лесу, на берегу красивейшего Окулова озера. Сюда на летние каникулы привозили детей, чтобы они хорошенько отдохнули перед учебой! Но, видимо, перед самой войной эти домики и бараки перестали использоваться в качестве пионерского лагеря. Строения обветшали, некоторые были даже разобраны на доски и брусья местным населением для собственного строительства.

Видимо, когда здесь появились первые немецкие диверсанты, то они к зиме домики и бараки бывшего пионерского отремонтировали! А затем на зиму их хорошенько утеплили снежными брикетами. В настоящий момент эти строения стали чем-то напоминать теплые иглу канадских индейцев. Вся эта работа, как понимал Васька, была, разумеется, проделана в глубокой тайне и без привлечения местного населения. Она была проделана руками одних только диверсантов самого Абверовского спецподразделения!

Если к лагерю внимательно присмотреться, то и сегодня, в канун Рождества, он выглядел вполне обжитым местом. Его дома и бараки были обнесены брикетами снега не только для их утепления, но и в целях маскировки от советской авиации! С тем, чтобы пролетающие над лесом советские самолеты его даже случайно бы не обнаружили. Центральная лагерная тропа, по ней шел Васька, а также все другие тропинки прокладывались в снегу и по лагерю с таким учетом, что их было бы трудно обнаружить с птичьего полета. Если судить по их утоптанности, то можно было бы также предположить, что на данный момент в лагере находилось большое количество его обитателей.

Но пока Васька брел к штабу, то по дороге ему не встретился ни один человек. Пару раз его окликали часовые, причем, оба часовых были вооружены советскими винтовками СВТ 40 со снайперскими прицелами. Часовые к нему обращались на русском языке. Ваське хорошо запомнились лица часовых. Они были молодыми парнями призывного возраста, но непримечательной внешности. На их плечах были мохнатые маскхалаты «Гризли» белого цвета! Оба часовых себя держали очень уверенно, они явно были старожилами этого лагеря!

Ради интереса Васька зашел в один из двух барakov, оказавшего на пути его следования в штаб РДГ «Альберт». Этот барак располагался всего лишь в десяти метрах от центральной тропы, но ему до него пришлось пробираться длинной тропинкой, то и дело вилявшей по кустарникам и затемненным местам зимнего леса. Дверь в барак была тоже покрашена в белый цвет. Но из-за своей так называемой немецкой педантичности офицеры, командовавшие в этом лагере, видимо, дошли до ручки. Места на двери, которых должны были бы

касаться своими руками люди, входящие в барак, были раскрашены под черные деревянные сучки, но ручек как таковых попросту не было.

Коснувшись рукой одного из этих сучков, Васька вошел в барак, чтобы тут же замереть на его пороге от охватившее его удивления от увиденного. Он ошибался, предполагая, что оба барака используются, как жилые помещения для диверсантов! По крайней мере, данный барак использовался в качестве спортивного манежа для тренировок и спортивной подготовки диверсантов! Незримыми ширмами он был поделен как бы на несколько секций-помещений. В одном из них несколько диверсантов, обнаженных по пояс, отрабатывали рукопашный бой. В другом – учились прыгать с высоких стоек, имитируя прыжок с парашютом с борта самолета! В третьем – группа молодых парней, одетых в гражданскую одежду, учились преодолевать полосу препятствий! В этом бараке Васька так и не увидел ни одного человека, не занятого делом или выполнением спортивных упражнений. Причем, их было достаточно много, человек пятьдесят – шестьдесят!

Ваське так и не дали до конца досмотреть то, что происходило в других секциях этого барака-манежа. К нему подскочил верзила в темном комбинезоне под два метра ростом. Он перед Васькой вытянулся по стойке смирно, откозыряв по-советски, он принялся рапортовать, говоря по-русски, но в каком-то лающем темпе:

– Товарищ полковник, разрешите доложить?

Причем этот верзила встал таким образом, что своей мощной фигурой он Ваське перекрыл общий вид на все то, что происходило в дальних секциях этого барака. Васька хорошо понимал, что внезапное появление этого верзилы, ему следует понимать, как своего рода вежливое предупреждение с тем, что ему здесь делать нечего, и он этот барак должен, как можно быстрее, покинуть. Поэтому Васька совсем было собрался вернуться обратно на мороз, но его заинтересовал лающий русский язык этого верзилы:

– Ты, что русский? – Спросил он на русском языке.

– Так точно, товарищ полковник! Я русский, да и все солдаты моей роты – русские! Их только что призвали в армию!

– Ну, и чем вы здесь занимаетесь? —

– В настоящий момент, согласно расписанию занятий на сегодняшний день, провожу учебные занятия с бойцами своей роты!

– Я не это имел в виду! Как вы вообще сюда попали? Почему решили бороться с советской властью? Да, и при этом я не привык разговаривать с безымянными людьми! Вы хотя бы назовите свой псевдоним!

– Прошу меня извинить, товарищ полковник! Но нас заранее предупредили о вашем возможном появлении! Сказали, что вы действующий полковник Красной Армии, но мы не должны называть вам ни своих имен, ни своих псевдонимов! А также попросили, чтобы мы с вами не вели особо долгих разговоров!

– Ну, что ж, тогда пошел ты к черту, если не хочешь со мной по-людски поговорить! И. если с тобой когда-либо, что-либо случится, то ты ко мне не походи, не обращай за помощью! – Вспылил Васька.

Васька вынужден был покинуть барак, он снова вернулся на центральную тропу, чтобы продолжить свой путь к штабу этого лагеря. В тот момент в нем все кипело и бурлило, он не понимал, как такое вообще могло случиться? Как Абверу удалось такое крупное вражеское подразделение забросить в тыл Красной Армии? Почему командование Красной Армии должным образом не отреагировало на появление такой серьезной занозы, целой роты немецких диверсантов вместе с аэродромом и самолетами, в своей заднице?!

Когда Берлин в первый раз ему шифрограммой сообщил, что его будут эвакуировать самолетом, то в тот момент Васька подумал о том, что такого попросту не может быть! Но, как на деле оказалось, на войне всякое может случиться. Немецкий аэродром чуть ли не с регуляр-

ными прилетами и вылетами существует и функционирует под советским областным Архангельском!

Уже находясь в лагере, он совершенно случайно узнает о том, что здесь, в глубоком тылу Красной Армии, функционирует не просто немецкая база с аэропортом на озере, но и центр подготовки диверсантов. Оказывается, в этом лагере на регулярной основе функционирует немецкая диверсионная школа. Диверсантов готовят с тем, чтобы их затем их рассылать по еще более дальним уголкам Советского Союза! Бешенство прямо-таки пожирало сознание Васьки, он решил не торопиться на встречу в штаб, пока не успокоится. Для полного спокойствия ему следовало все это дело перекурить.

Он обшарил все карманы своего офицерского комбинезона, в надежде найти хотя бы одну сигарету. Только в одном из наплечных карманов Васька нащупал целую пачку немецких сигарет. Он укрылся под хвоей высокой ели, она до макушки была занесена пушистым рождественских снегом. От огонька зажигалки прикурил сигарету, сделал первую затяжку. Окопы под Тулой приучили его курить солдатскую махорку в ладонь, скрываясь от немецких снайперов. Но Васька так и не стал заядлым курильщиком из-за отцовского запрета. Этот запрет оказался сильнее самого проклятого увлечения. Но время от времени Васька баловался сигареткой другой. Сейчас же перекур ему потребовался для того, чтобы успокоиться, обдумать свое положение. Прийти в себя от всего увиденного в этом лагере, от только что полученной им информации.

На многие километры вокруг этого места расположения лесного лагеря простирался громадный лесной массив. Васька знал, что и в довоенное время этот массив представлял собой дикое место. Сегодня в годы войны в нем уже было невозможно встретить ни охотника, ни рыболова, ни даже местного жителя. Еще до начала войны местные жители начали покидать свои деревни и хутора, разбросанные по этому лесу. Они стали переезжать поближе в большие города, в крупные села и в поселки, где легче было бы найти работу, а также пропитание для членов своих больших семей. С началом войны многие местные охотники и рыболовы были призваны в Красную Армию. В результате этот лесной массив практически обезлюдел. Теперь уже и женщины с детьми оставляли свои дома в лесных деревнях, переезжая в города.

Докулив сигарету, Васька хотел было окурок зашвырнуть в снег, как это делал в окопах под Тулой. Но вовремя вспомнил, к чему этот его поступок может привести. Поэтому он аккуратно его загасил, некоторое время не знал, куда его спрятать?! Затем попросту его засунул в один из карманов комбинезона. Ваську эта хваленная немецкая пунктуальность, педантичность с каждым днем начинала все сильнее и сильнее раздражать. Поэтому, став Альфредом Нетцке, ему пришлось постоянно держать свои уши востро на макушке, чтобы случайно не напороться, не проколоться на глазах у своих сослуживцев!

– Да, успокойся ты, Васенька! Не волнуйся по этому поводу! Я тебе всегда подскажу, как себя вести в том или в другом случае! – Вдруг подал мысленный голос настоящий Альфред Нетцке.

Из-за волнений, связанных с внезапной встречей с Эльзой, Васька как бы забыл о существовании своего симбионта. Сейчас же краска стыда начала заливать его лицо. До его сознания только сейчас стало доходить понимание того, что Альфред, вероятно, мог быть свидетелем всего того, что он и Эльза вытворяли в постели прошлой ночью.

– Василий, ты уж, пожалуй, так сильно не красней лицом! Я все же взрослый мальчик, хорошо знаю, почему у той или иной пары вдруг появляются дети! Я, правда, немного насторожился, когда этот фельдфебель Лацис сделал тебе укол. Но, когда появилась Эльза, когда она начала тебя целовать еще в деревенских санях, в которых везла тебя в лагерь, то успокоился. Эльза тебе плохого не пожелает и не сделает! Еще тогда я постарался, как можно глубже, забиться в твое сознание, чтобы не стать невольным свидетелем всего того, что она начала

вытворять с тобой! Так что, парень, ты мне поверь, что я сделал все возможное, чтобы не быть тобой прошлой ночью!

– Ладно, так уж и быть, я тебе поверю, Альфред! Что ты можешь мне сам сказать в отношении столь внезапного появления Эльзы? И что ты вообще думаешь о нашем положении?

– Что касается Эльзы, то ты с ней сам и разбирайся! Меня же в это дело, пожалуйста, не впутывай! Муж и жена – одна сатана! Так русские говорят о женатых людях!

– Я пока не женат! Мы с Эльзой пока еще не ходили в ЗАГС, заявления на регистрацию брака даже не подавали!

– В ЗАГС Эльза тебя никогда не поведет! Она тебя поведет в городской магистрат, а затем венчается на тебе в своей кирхе! Она же тебе сама говорила, что все документы на регистрацию вашего или моего брака давно уже ею подготовлены. Тебе остается их только подписать! Я же совершенно уверен в том, что ты, Васенька, их подпишешь, как миленький!

– Черт тебя подери, Альфред! Ты, что меня принимаешь за безвольного осла?!

– Во-первых, мы с тобой, Василий, как бы договорились, никогда не использовать бранных мыслей в наших общениях! И, во-вторых, ты голос на меня не повышай! Ты любишь Эльзу, так сам с ней и разбирайся! Ко мне больше с этим вопросом не приставай! Мой тебе последний совет, не будь ослом, женись на ней!

– Ладно, согласен! Что ты, Альфред, вообще думаешь об этом Абверовском аэропорте, расположенном на Севере Советского Союза? Меня очень беспокоит, что советское командование о нем ничего не знает!

– Васька, что с тобой происходит? Сегодня идет война между сильнейшими государствами мира! Для ведения боевых действий воюющие государства применяют вооружения и средства, имеющиеся в их распоряжении. Насколько мы с тобой осведомлены, сегодня советское командование прилагает немалые усилия для развития партизанского движения на оккупированных территориях. Ежедневно в наш немецкий тыл засылаются десятки, если не сотни диверсионных групп с целью ослабления нашей военной мощи. Аналогичные меры, наверняка, принимает и наше, немецкое, командование. Краем уха в Берлине я слышал о том, что таких Абверовских диверсионных групп с постоянным местом базирования немало разбросано по всей территории Советского Союза! Так что, Василий, ничего удивительного в этом нет!

– И чем же будут заниматься диверсанты, которых вы готовите в этом лагере?

– Васька, охладись! Ты, видимо, слишком уж перевозноулся! Совсем перестал соображать! Я лично, то есть сам ты, Васька, не принимаешь ни малейшего участия в какой-либо подготовке этих диверсантов! Мы оба здесь только что появились, пока еще ничего не успели сделать или предпринять! Очень надеюсь на то, что завтра мы без особых приключений все-таки вылетим в Берлин. Сейчас же тебя ждут в местном штабе. Там ты, возможно, узнаешь еще кое-что новое для нас обоих!

Васька вышел из-под ели, центральной тропой направился к одинокому домику. Во времена пионерского лагеря в этом домике проживали директор и старшая пионервожатая лагеря. Это домик располагался на небольшом взгорье, с вершины которого открывалась замечательная панорама на Окулово озеро. Васька на секунду остановился, чтобы полюбоваться панорамой озера. Окулово озеро замерзло. Видимо, из-за практически полного отсутствия волн на этом озеро, оно было покрыто идеально ровным льдом, который в свою очередь был занесен снегом.

– Да, вы правы, господин штандартенфюрер! Это озеро – идеальное место для взлета и посадок гидросамолета. Летом гидросамолет садится на воду, удерживаясь на воде при помощи поплавков. Зимой же поплавки на самолете заменяются на лыжи, тогда самолет производит посадку лед со снегом. Мы же только следим за тем, чтобы лед оставался ровным, чтобы самолет мог бы на него садиться. За льдом ведут наблюдение всего лишь несколько

человек. Если нам приходится его выравнивать, то тогда на лед нам приходится выводить весь штатный персонал базы!

Васька повернул голову в сторону источника голоса. Увидел, что рядом с ним стоит тот самый верзила, который только что выгнал его из барака. Но вот только в данной ситуации этот верзила разговаривал с ним на прекрасном немецком языке.

– Позвольте представиться, Даниил Гаврилов, майор Вермахта! Знаете, что, штандартенфюрер, давайте, пройдем в помещение. Там тепло, светло и мухи не кусают! Так что там мы сможем побаловаться американским виски, бурбоном. Мне он нравится, заодно мы можем поговорить о предстоящих нам делах!

4

Они вдвоем поднялись по трем ступенькам крыльца дома. Майор Гаврилов взялся за дверную ручку, приоткрыл дверь, вежливо пропуская вперед штандартенфюрера Нетцке. Оказавшись внутри дома, Васька улицезрел практически пустое помещение. В нем за исключением начальника штаба никого не было! Вслед за ним в помещение штаба прошел майор Гаврилов. Коротким кивком головы майор поприветствовал начальника штаба и коротко произнес:

– Иоганн, ты свободен! Я сам займусь штандартенфюрером!

– Так точно, господин майор! – Иоганн тут же вытянулся по стойке смирно.

Майор Гаврилов дождался, когда начальника штаба их покинет, затем он обратился к Ваське.

– Я вот только одного не пойму, почему мой начальник штаба вдруг превратился в такого образцового служаку? В нашем кругу не принято тянуться и козырять по каждому поводу! Мы собой представляем маленькую армию Вермахта. Но имеем свои собственные правила поведения офицеров. Насколько я информирован, вы, штандартенфюрер, один из наших?!

– Да, майор! Мне пришлось, как и вам сейчас, покомандовать ротой спецназначения! В те времена мы натворили немало дел в русских тылах!

– Сегодня уже мои ребята продолжают славную традицию ваших парней, штандартенфюрер! Предлагаю вам пройти в мой кабинет. Там более удобное место для нашего приватного разговора. Да и все необходимое под рукой, чтобы встречу превратить в рождественский ужин. Фрау Нетцке взяла на себя все заботы по его приготовлению. Она к нам чуть позже присоединиться!

Не ожидая Васькиного согласия, майор Гаврилов развернулся на каблуках своих десантных полусапог. Он направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Васька ошалело потряс головой, минуту назад никакой лестницы в этом помещении не было. Да и сам домик был одноэтажным строением. Спohватившись, он едва не обогнал майора, уже поднимавшегося по лестнице.

Кабинет майора Гаврилова действительно оказался уютным местом. В нем каждая вещь, каждый предмет мебели имел собственное, аккуратно и со вкусом подобранное место. Васька всегда полагал, что вкусом обладают одни только женщины. Майор Гаврилов был далеко не женщиной, его можно было даже назвать симпатичным орангутангом?! Но, тем не менее, в нем присутствовало чувство вкуса! Со стороны этот майор выглядел настоящим русским мужиком мощного телосложения, разве что русской бороды лопатой ему не хватало! К тому же Васька про себя внезапно понял, что Гаврилов, видимо, был тоже своего рода телепатом.

Уже в помещении своего кабинета он внезапно повернулся к Ваське, проговорил, но уже на чистейшем русском языке:

– Устраивайтесь, штандартенфюрер, там, где вашей душе угодно! Чувствуйте себя, как дома! Как скажем, в Берлине или все же в Москве?

– Васька, будь очень осторожен! Ты встретился не с офицером Абвера, а с офицером дивизии СС Аннербе! Попытайся сбить с него русскую спесь, как бы случайно, назвав его

своим братом! Все эсэсовцы себя так называют! – В Васькиной голове тонким писком прошестел голос Альфреда. – Да и пропусти последний вопрос, не отвечай на него!

– Спасибо, камрад, за приглашение! Кто же так постарался, с таким вкусом и выбором обставив мебелью этот твой кабинет? По моему мнению, мужчины таким вкусом попросту не обладают!

Майор Гаврилов ни коем образом не прореагировал на упоминание Васькой слова «камрад», но он заметно взгрустнул, когда тот задал свой вопрос о вкусе. Майор прошел к окну, некоторое время любовался панорамой замерзшего озера. Затем он повернулся к Ваське, пару минут его, молча, разглядывал. Затем уже на немецком языке произнес:

– Я полагаю, брат, что нам сначала нужно выпить, так мы, русские, любим с выпивки начинать любые серьезные разговоры! А затем мы можем перейти к обсуждению наших дел! Что вы, штандартенфюрер, предпочитаете, русскую водку или армянский коньяк, его так любит ваш Сталин?

Только сейчас Васька разглядел, что на маленьком столике уже стояли две маленькие вазочки с черной и красной икрой, две рюмки, два бокала и не распечатанные бутылки «Московской горькой» и армянского коньяка. Альфред Нетцке в их компании считался специалистом по выпивке и закуске. Васька даже почувствовал, как его симбионт воображаемо облизнул губы от такого богатого угощения, а затем произнес фразу, составленную Нетцке:

– Разумеется, русскую водку. Она очень хорошо пойдет под эту икорку!

– Как я вижу, что вы, штандартенфюрер, имеете глубокие познания в том, как пьют русские?! – Наполнив водкой до середины маленькие рюмочки, произнес Гаврилов. – Предлагаю нам, как мужчинам, выпить за наших женщин, которые с нами даже тогда, когда они отсутствуют!

Этим тостом майор Гаврилов, правда, несколько своеобразно, но все же ответил на Васькин вопрос о вкусе. К Ваське снова вернулась симпатия, которую он почувствовал к майору при их первой встрече в бараке. Тогда он решил поглубже копнуть биографию Гаврилова, задав ему каверзный вопрос:

– Майор, вы все время в нашем разговоре упоминаете русских. В этой связи позвольте мне заметить, что, хотя у вас русское имя и фамилия, вы все же не русский человек!

– Это почему вы ты так решили, штандартенфюрер?

– Когда я вместе своим взводом отражал атаки немецких пехотинцев по Тулой, то по перед сном нам выдавали водку для того, чтобы мы успокоили свои нервы! Тогда мы ее пили стаканами! Вы же в наши рюмки налили какие-то пятьдесят граммов водки, как пузатый немецкий бюргер! В разговоре вы настолько мне надоели своим «штандартенфюрером», что я готов, еще даже не выпив, вам за это набить морду! И последнее, русские уже давно перешли бы на «ты»! Вы же до сих пор этого не сделали! Я вам, что не нравлюсь, господин майор?

Майор Гаврилов достойно ответил на Васькины возмущенные вопросы. Он первым делом сходил к бару, достал оттуда немецкие стаканчики, которые по своему объему были в два раза меньше русских граненых стаканов. В них до краев налил водки, поднял стаканчик и произнес свой тост:

– Господин штандартенфюрер, благодарю вас за справедливую критику! Примите мою особую благодарность за такое открытое критическое высказывание в мой адрес! Клянусь, что все вами рассказанное, никогда не покинет стен этого кабинета! Предлагаю вам выпить за нашу встречу, знакомство!

– Извини, майор, но первый тост мы должны выпить за наше братство, за наших женщин!

Васька выпил водки, заглотал чайную ложечку икры, от полученного блаженства на секунду прикрыл глаза. За эту секунду Альфред Нетцке успел с ним пообщаться, сообщив ему:

– Пока ты совращал майора Гаврилова с пути истинного, я просканировал его сознание! Оно было заблокировано, но кое-что мне все же удалось узнать. Прежде всего, он сын царского и белого генерала Гаврилова, был рожден в Берлине, то ли в пятом, то ли в шестом году нашего столетия. Его отец в то время работал в аппарате русского военного атташе в Берлине. Он имел любовную связь с русской эмигранткой, она от него забеременела и родила сына Даниила! Генерал Гаврилов деньгами поддерживал свою бывшую любовницу, мать своего внебрачного сына. В годы Гражданской войны он воевал в армии Деникина. Погиб в одном из боев с красными, оборонявшими город Орел! Мать была вынуждена своего Даниила воспитывать, как истинного немецкого мальчика. По окончании школы Даниил отслужил в армии, там начал специализироваться на организации и проведении тайных спецопераций. Участвовал в организации и в проведении многих тайных операций Вермахта.

– Альфред, ты что-нибудь узнал о его жене? – Поинтересовался Васька.

– Эта информация им заблокирована!

Тем временем, после третьего стаканчика, они перешли к деловому разговору. Даниил Гаврилов начал вводить его в секретные планы Абверовской операции «Прыжок барса».

– Не смотря на политику террора, уничтожения политических врагов, им сочувствующих людей, проводимую господином Сталиным, его Политбюро, в Советском Союзе все еще оставалось немало людей, которые открыто или скрыто враждебно относятся к нему и к его товарищам коммунистам! – Начал рассказывать Даниил Гаврилов. – Благодаря моему русскому происхождению, в армии мне пришлось заниматься именно этими вопросами, а именно сбором информации по таким людям. В конце двадцатых годов, начале тридцатых годов две такие группы уже работали в Москве и Липецке. Я тогда работал из Берлина, так как не хотел светиться перед советскими чекистами.

Майор Гаврилов поднялся на ноги и, расхаживая по кабинету, продолжил свой рассказ:

– Такая пунктуальная работа немецкой разведки по Советскому Союзу позволила создать громадное досье по этим людям. Поверь мне, Альфред, их оказалось миллионы и миллионы человек. Многие из них к нам приходили добровольно, других же мы уже сами разыскивали. И это были в основном такие люди, они вполне сознательно принимали то или иное решение. А ты представляешь, сколько было людей, которые в душе колебались, принимая какое-либо политическое решение. Многонациональность Советского Союза порой подрывала устои советской власти. Она была вынуждена сотрудничать с религиозными деятелями, которые ее ненавидели всей своей душой. Такие религиозные деятели к нам приходили не одни, они с собой приводили всю свою паству, всех своих сочувствующих. Одним словом, перед войной Советский Союз представлял собой не вспаханное поле для нашей деятельности. Мы же, офицеры немецкой разведки, работали, не покладая рук. Многие наши операции были провалены советскими чекистами, но немало нами было проведено и успешных операций.

Пока майор Гаврилов говорил, Васька взял инициативу в свои руки. Он водку разлил по стаканчикам. К слову сказать, он не собирался спаивать Даниила Гаврилова, этого русского немца. Но тот, по-прежнему, пил, не закусывая! Его вазочка с черной икрой так и осталась не тронутой! Но вот красная икра в Васькиной вазочке закончилась, он оказался большим лакомкой. Майор Гаврилов прекратил говорить, поднялся на ноги и снова прошел к бару. Достал оттуда еще одну стеклянную банку красной икры, а также охлажденную бутылку «Московской горькой». Со всей этой поклажей вернулся за столик, банку с икрой, молча, поставил перед Васькой. Бутылку водку, от крив форточку окна, выставил на мороз для охлаждения. Они подняли свои стаканчики, одним махом их содержимое отправили в свои глотки. Вытерев рот рукавом комбинезона, немецкий русский продолжил Ваську вводить в курс дела.

– Словом, на фронте склонения русских и людей, других национальностей к измене, у нас были крупные поражения, но были и крупные успехи. Ты, Альфред, может быть, этого не знаешь, но нам удалось в СССР ликвидировать чуть ли не всех советских маршалов. К этому делу

приложил свою руку твой адмирал Канарис. Он задумал эту операцию и через чехов претворил в жизнь. Уже в тридцатых годах, обсуждая опыт работы нашей группы в Липецке, Канарис принял решение о создании секретных Абверовских баз на территории стран, которые Германия собиралась поглотить. Такие базы существовали, успешно выполняли свои задачи на территориях Австрии, Чехословакии, Польши и Норвегии! Такие базы созданы и сейчас функционируют на территории Советского Союза. Я лично знаком с офицерами командирами баз, сейчас работающих или работавших на Кавказе, в Крыму, на Западной Украине и Белоруссии. Мне подчинены уральские и сибирские базы. Твой адмирал Канарис пошел дальше! Еще во время планирования военных действий на территории советского союза он предлагал Гитлеру заняться организацией и подготовкой так называемых «народных бунтов»! Могу сказать только, что Гитлер заинтересовался этой идеей адмирала. Но попросил адмирала представить ему офицеров, которые могли бы заняться проработкой этих вопросов! Только тогда он пообещал принять окончательное решение по этому вопросу! Ты, Альфред, уж меня извини за то, что прерываю свой долгий рассказ! У меня от этого разговора пересохла глотка! Давай, Альфред, просто выпьем, добьем эту бутылку водки, а не то водка в другой бутылке совсем замерзнет за окном.

Перерыв оказался очень коротким. Даниил снова обошелся рукавом комбинезона, вытирая свой рот. Васька же, как кот, безбоянно, чайной ложкой пожирал красную икру! С тоской он наблюдал за тем, как ее в стеклянной банке становилось все меньше и меньше.

– Альфред, за пять месяцев войны к нам в плен попало много советских генералов. Понимаешь, по моему мнению, армейские генералы являются столпами любой власти. В Советском Союзе Сталин не любил своих маршалов и генералов, так как очень опасался того, что войска, вверенные им, они могут поднять мятеж против него, против советской власти. Причем, такое порой происходило в реальности и в самом Советском Союзе. Итак, за первые годы войны к нам в плен попали миллионы красноармейцев, громадное число полковников и генералов, но, главное, до сотни советских полковников и генералов добровольно перешли на нашу сторону. Один полковник, командир полка, сам перешел на нашу сторону и сдал нам весь свой полк! Среди добровольно перешедших на нашу сторону был один очень интересный генерал. Правда, на деле, как выяснилось, он не был генералом, на него в верха только-только ушло представление на генеральское звание...

– Ты, Даниил, имеешь в виду так называемого генерала Колоскова, в своем прошлом он был партийным деятелем и сотрудником НКВД? – Невежливо, практически перебивая своего собеседника, поинтересовался Васька.

Майор Гаврилов замолчал, несколько мгновений он внимательно всматривался в Васькино лицо, словно в нем пытался найти ответ на внезапно возникший вопрос.

– Да, ты оказывается весьма информированный офицер, господин штандартенфюрер Нетцке!

– Вот видишь, Данильчик, я ж тебя предупреждала, чтобы ты палец в рот не клал бы моему дорогому муженьку! Откусит, он при этом даже и не подавится! Итак, господа уважаемые офицеры, позвольте мне вас пригласить за рождественский стол, который я, простая немецкая женщина, сервировала своими собственными руками. Три часа я провела на кухне ради того, чтобы вас вкусно покормить. Даниил, не забудь забрать из форточка бутылку водки. Ее с вами я выпью за компанию. А тебе Альфредушка, мой дорогой муженек, я так и быть тебе позволю себя поцеловать в щечку. Заодно можешь взять меня на руки, отнести в соседнюю комнату.

Около получаса Васька вместе с Даниилом развлекал разговорами Эльзу, прямо-таки уничтожая одно за другим блюда из белой и красной рыбы. От всего сердца они нахваливали Эльзу за отлично приготовленного гуся. Этот северный гусь был подстрелен одним из снайперов роты, выполняя заказ фрау Нетцке. Словом, уделив достаточно внимания деликатесам

фрау Нетцке, уничтожив часть ее блюд, Даниил снова разлил водку и продолжил Ваську информировать по операции «Прыжок барса».

– В настоящий момент Абвер 2 по приказу Канариса приступил к разработке генерала Ивана Колоскова. Мы его хотим превратить в идеологически подкованного борца со Сталиным и с его партийными единомышленниками. Этот бывший советский генерал нам гарантирует среди пленных красноармейцев набрать несколько десятков тысяч так называемых хиви – добровольных помощников Вермахта. Из них он собирается в течение полугода подготовить чуть ли не дивизию бойцов для борьбы с советской властью в труднодоступных районах Урала. Иван Колосков хочет лично заниматься формированием подразделений своей дивизии. Нас же он просит организовать переброску его бойцов на Урал. В рамках осуществления операции «Прыжок барса» моей базе приказали заниматься подготовкой аэродромов подскока для транспортных самолетов «Юнкерсов» и «Хенкелей» по маршруту до Урала. В настоящий момент я лично занимаюсь этим вопросом.

Эльза подошла к Ваське и, положив свои руки ему на плечи, произнесла мягким грудным голосом:

– Я же отвечаю за метеорологическое обеспечение перелетов наших бомбардировщиков и транспортных самолетов, Альфред. Мои синоптики будут заброшены на эти аэродромы подскока, начнут регулярное наблюдение за состоянием погоды на всем протяжении всего маршрута от линии фронта до советского Урала. Так что ты, муженек, никуда от меня больше не уйдешь, не скроешься даже за линией советского фронта.

Разумеется, Эльза почувствовала, как Васька, то есть ее Альфред, напрягся. Она еще плотней к нему прижалась и, не обращая внимания на присутствие майора Гаврилова, поцеловала в губы.

– В принципе, на этом, штандартенфюрер, мы можем завершить наш разговор. – Сказал немецкий русский Даниил Гаврилов. – Адмирал Канарис лично попросил нас обоих вас ввести в общий курс дела, так как с этой минуты вы становитесь командующим офицером всей операции «Прыжок Барса». В заключение хочу сказать, что особое внимание нам приказали уделить Нижнему Тагилу и другим уральским областям, где находятся заводы тяжелого машиностроения, производящие танки и боевые самолеты. Многие из них были эвакуированы с Украины, из Белоруссии и из стран Прибалтики. Вильгельм Канарис планирует одним ударом добровольческой дивизии генерала Колоскова Советский Союз лишить тяжелой промышленности, тем самым вонзив нож в спину Сталина!

Глава 3

1

Уж пребывая в образе Альфреда Нетцке, Ваське пришлось пару раз полетать на самолете. Поэтому он имел представление о полете пассажиром на борту самолета. Проснувшись утром, все еще лежа в постели, Васька все свое внимание обратил на Эльзу. Та же, поднявшись с постели, накинув на плечи халатик, принялась готовить им обоим завтрак. То ли по привычке, то ли намеренно, чтобы провоцировать Ваську, на этом своем халатике молодая женщина оставила расстегнутыми несколько перламутровых пуговиц. Тем самым демонстрируя своему новоиспеченному муженьку грацию и обольстительность своего тела.

Занимаясь соблазнением Ваську, Эльза, как бы между делом, успела приготовить легкий завтрак. Она ловко управилась со спиртовой горелкой, раскопегарив ее таким образом, что очень быстро приготовила им яичный омлет с беконом. Вскипятила воду для готовки растворимого кофе. Яичницу с беконом прямо на сковородке она поставила на стол, рядом поставила две кружки с кофе и двумя маленькими пачками яблочного джема. Своими поцелуями она заставила Ваську лежебоку подняться с постели, сесть за стол. Свою долю завтрака Васька уплеп в одну секунду. Эльза, поглядывая на него своими восхищенными глазами, молча, пододвинула ему и свою тарелку. Васька проявил себя настоящим мужчиной. Он съел только половину ее завтрака, а затем принялся свою жену рассматривать каким-то хищническим взором. Эльза моментально обратила внимание на его превращение из домашнего котика в хищного тигра. Она моментально свой халатик застегнула на все пуговицы и, отводя свои глаза от мужа. Поинтересовалась:

– Альфред, черт тебя подери! Ну, сколько можно думать об одном и том же? У нас впереди целая жизнь, множество ночей! Сегодня ты уж самого себя перебори! Ты только себе представь, если я тебе сейчас сдамся, то какой я буду, пилотируя гидросамолет! Ведь, после этого весь полет я буду думать только об одном, разумеется, не имеющего никакого отношения к самолету!

Процесс одевания одежды неожиданно для обоих молодоженов затянулся надолго! Произошло это из-за того, что столкнулись две сильные натуры! Эльза была немецкой женщиной. Она обладала всеми теми качествами, которые были присущи только замужним фрау. Она была сверхаккуратна, сверхпунктуальна и сверхисполнительна! Уважала и любила мужа! Правда, имела свой собственный взгляд на своего собственного мужа! При этом, как женщина, она была достаточно умная, чтобы свое собственное представление о муже, не навязывать Ваське с первого же дня их совместной жизни. Решила делать это потихоньку, помаленьку! Перевоплощения Васьки она решила начать с мужского нижнего белья.

Васька некоторое время постоял в задумчивости перед постелью, на которой были разложены непонятные ему предметы туалета, почему-то связанные из шерсти. Как парень, родившийся и повзрослевший в деревне, он то носил, то не носил трусы, лето и зиму носил легкую одежду, – рубаху да портки, а еще чуни. В зимние холода, одевал тулуп. Сейчас же перед ним на постели лежали какие-то гольфики, носочки, чулочки, майки, рубашки и даже шерстяные трусы. Осторожно кончиками пальцев Васька потрогал все эти предметы туалета. Единственное, что из этого касания он узнал, было то, что они были связаны из собачьей шерсти. Внутри него начал вскипать его русский характер, все эти вещи ему были явно ненужны! Он никогда не был, никогда не станет мужчиной неженкой, этого потребовал его русский характер!

Васька только начал разворачиваться в ее сторону, как Эльза тут же догадалась о том, что у ее мужа начало твориться на душе. Она подлетела к нему, встала на цыпочки, нежно Ваську поцеловала в подбородок. До губ мужа она попросту не дотянулась.

– Дорогой, почему ты так разнервничался. разволновался? Если хочешь, то я помогу тебе одеться! – Прошептала в Васькино ухо опытная немецкая совратительница, прижимаясь к нему всем своим телом.

Разумеется, Васька не устоял перед таким натиском своей немецкой женщины. Эльза стала его первой по-настоящему любимой женщиной, от которой он сходил с ума! Под руководством Эльзы он натянул на себе все те предметы мужского туалета, которые она ему подавала.

Гримасничая и вертясь, словно девчонка, Васька перед зеркалом провел целых минут пять, чего раньше никогда в жизни не делал. В нем он видел рослого, неплохо сложенного мужика, а не какого-то там сельского парнишку или немецкого оберлейтенанта Нетцке! Этот мужик имел весьма ухоженный вид, аккуратно причесанные волосы, бритый подбородок. Рядом с ним стояла красивейшая женщина на земле, вторая Ева, его жена и зондерфюрер СС Эльза Нетцке, или все же она была госпожой Васильковой?! Оба они уже были одеты в теплые летные комбинезоны, в руках держали летные шлемофоны. Васька только успел удивиться тому, когда же Эльза успела переодеться в летный комбинезон? Всего лишь пару минут назад она по комнате бегала в одном лишь халатике?

Ваське очень понравился тот мужик, которого он увидел в зеркале, рядом со своей женой. Тот мужик в зеркале смотрелся мужественным, отважным человеком. Особенно хорошо на нем смотрелась, по его мнению, большая деревянная кобура с маузером! В этот момент Эльза протянула Ваське два офицерских пистолета «Вальтер Р38», холодным голосом произнеся:

– Так и быть, я тебе разрешаю иметь при себе эти два пистолета! Что же касается этой доисторической дыры, то с ней я тебя не пущу на борт своего самолета. В крайнем случае одна полечу в Финляндию.

– В какую Финляндию? – Глупо поинтересовался Васька. – А как же линия фронта, а как же Берлин? Я думал, что мы уже сегодня будем ночевать в Берлине?

– Послезавтра мы с тобой будем ночевать в Берлине! Там поначалу с тобой встретится Рейнхард Гейдрих, затем Вильгельм Канарис, а затем, может быть, и сам Фюрер! Так что, муженек, ты у меня превратился в важную особу! Сам Скорцени будет тебе завидовать!

Васька стоял и хлопал ушами, не веря тому, что он только что услышал от Эльзы! Собственной кожей он ощущал, что Эльзе очень нравится им заниматься, им командовать, им повелевать. Этой женщине явно понравилось быть его женщиной, ей доставляло великое удовольствие заставлять его делать даже то, что уже ему явно не нравилось. Он хорошо понимал, что эта молодая немецкая женщина любит именно его Ваську Василькова, хотя называет его Альфредом Нетцке.

Они вдвоем покинули гостевой домик и, держа друг друга за руки, словно мальчик и девочка, отправились к озеру. Идти было недалеко, но к Окулову озеру им пришлось спускаться по крутому берегу. По спуску была, разумеется, проложена по-немецки аккуратная тропинка, но спуск все был очень крутым. Пару раз Ваське приходилось Эльзу подхватывать на руки. Так как ему казалось, что она может вот-вот поскользнуться и упасть! Девчонке это мужское внимание очень понравилось! Каждый раз, когда Васька ее подхватывал на руки, Эльза громко, задиристо смеялась, целовала мужа в губы, приговаривая:

– Какой ты большой и сильный, мой любимый муженек!

Эльзин гидросамолет «Хенкель 111» уже стоял прямо на снегу, покрывавшему поверхность Окулова озера, неподалёку от берега. На нем поплавки были заменены на лыжи, во всем остальном он, по-прежнему, оставался самолетом амфибией «Хенкелем 111», способным взлетать и садиться на почву, на воду и даже на снег и лед. Ваське не составило труда догадаться о том, почему Эльза сказала, что сначала они полетят в Финляндию. «Хенкель 111» был отличным маленьким самолетом. Он мог поднять в воздух до пяти человек с грузом, но радиус его

полетов все же зависел от количества людей и груза на его борту. Этот радиус не был таким уж большим! Именно поэтому они должны были лететь в Лапландию. Это провинция была расположена на Севере Финляндии.

Неся Эльзу на руках, спускаясь по откосу берега, Васька увидел, что рядом с самолетом уже копошится человек в таком же теплом летном комбинезоне, какие сейчас были на Эльзе и на Ваське. Когда они подошли к самолету на достаточно близкое расстояние, Эльза прямо с Васькиных рук поинтересовалась, обращаясь к этому человеку:

– Франц, все ли у нас готово к вылету?

Человек встрепенулся и, увидев Ваську с Эльзой на руках, вытянулся в струнку и, по-немецки приложив ладони к своим бедрам, доложил:

– Так точно, фройлян Тиссен! Ваш «Хенкель» уже полностью готов к вылету. Его баки заправлены топливом. На рассвете я хорошенько прогрел его двигатель! Думаю, что сегодня эта рабочая лошадка вас, фройлян, не подведет!

– Франц, вот уже два дня, как я перестала быть фройлян Тиссен! Теперь я стала фрау фон Нетцке! Я вышла замужем, я стала очень счастливой женщиной! Я так счастлива! Понимаешь, Франц, я вышла замуж вот за этого русского медведя! Он потерял голову, когда я согласилась стать его женой! Теперь он мне не позволяет и шага сделать по земле. Повсюду будет носить на своих руках!

– Так и быть, Альфред, ты уж меня донеси до пилотской кабины. – Сказала Эльза, снова и снова целуя Ваську. —

– Франц, проверять техническое состояние своего «Хенкеля» я не буду. У меня попросту не осталось на это время. Нам пора вылетать, а не то финны закроют для нас временное и воздушное окно на своей границе!

Уже в кабине самолета, сидя за штурвалом, запуская двигатель «Хенкеля», Эльза сказала:

– Еще пару минут на прогрев двигателя, после этого мы пойдем на взлет. Окулово озеро имеет большую и едва ли не идеально ровную поверхность, очень удобную для взлета и посадки таких небольших самолетов, как мой «Хенкель». Но для операции «Прыжок барса» маленькие самолеты не смогут транспортировать десантников, их оружие и довольствие на большие расстояния. К тому же они не смогут доставлять на Урал вооружение, горючее и продукты в достаточном количестве для снабжения десяти – пятнадцати тысяч десантников! В качестве эксперимента совсем недавно транспортный «Юнкерс 52» мы посадили на поверхность этого озера. Лед выдержал его посадку и взлет. Майор Гаврилов получил большое пополнение людьми, горюче-смазочными материалами и оружием. Мы же убедились в том, что этими транспортными самолетами до Урала мы сможем долетать только с дополнительными заправками горючим. Как только десантники будут доставлены на Урал, то тогда их мы сможем обеспечивать и снабжать боеприпасами, используя большие транспортные десантно-грузовые планеры.

Тем временем, «Хенкель» сдвинулся с места, скрипя по снегу своими лыжами, самолет начал удаляться от берега озера. Не останавливая самолет, Эльза рычаг управления оборотами двигателя перевела в крайнее положение, на максимальное значение оборотов. По-медвежьи грозно взревел двигатель, «Хенкель» заскользил по снегу, с каждой минутой набирая скорость. Когда скорость достигла двухсот километров в час, она штурвал потянула на себя. Самолет легко оторвался от снега, пошел в набор высоты.

Ваське сидел на правом сиденье пилотской кабины, с громадным любопытством он наблюдал за тем, как его жена, любимая жена, пилотировала самолет. Эльза, видимо, чувствовала эти восхищенные мужские взгляды, но продолжала пилотировать самолет, выжимая то одну, то другую педаль, время от времени то увеличивала, то уменьшала число оборотов двигателя. Сначала «Хенкель» сделал круг над базой. Во время этого круга Васька так и не сумел разглядеть жилых домиков, тренировочных бараков среди хвойных деревьев леса. Все деревья были покрыты пушистым снегом, ничем друг от друга не отличавшиеся. Сделав круг, «Хен-

кель» снова начал карабкаться в небо. Достигнув нижних облаков, самолет в них как бы утонул, Эльза откинулась на сиденье и сказала:

– Альфред, если хочешь, то сейчас можешь поспать. Нам придется провести в воздухе часа четыре – пять часов в зависимости от погодных условий. Я включила автопилот, но эта вещь пока еще очень ненадежна, плохо работает. Каждые полчаса мне нужно будет проверять курс самолета, а не то улетим на Северный полюс?! Тогда у нас не хватит топлива, чтобы оттуда вернуться обратно.

Эльза пилотировала свой «Хенкель», Васька же погрузился в мысленный разговор с Альфредом Нетцке.

– Когда ты мне рассказывал об Абвере, я не думал, что Канарису удалось создать такую мощную разведывательную организацию?!

– Канарис – талантливый офицер разведки. Прежде чем возглавить Абвер, ему пришлось побывать в невероятно сложных ситуациях в Латинской Америке в годы мировой войны, но отовсюду он выходил живым и здоровым! Так что его нельзя рассматривать простым назначенцем или чьим-то протеже, которому дядюшка или любимая тетушка поспособствовала его назначению главой этой организации. Как мне кажется, он знает и любит заниматься планированием и осуществлением таких масштабных операций, как «Прыжок барса»!

– Ну, и что ты, Альфред, вообще думаешь об этой операции?

– То, что я о ней думаю, то это не особенно важно! Мне прикажут, я буду заниматься ее организацией и ее осуществлением. Получится ли все то, что было задумано, то это уже время покажет! В принципе, на данный момент я бы уделил особое внимание двум важным вещам! Они в значительной мере скажутся на том, получит ли эта операция успешное завершение?

– Что именно, Альфред, ты имеешь в виду под этими вещами?

– А ты сам подумай, Василий! Ты же русский парень и должен понимать, что успешное осуществление такой операции, может сказаться на ход всей войны! Если десять тысяч наших диверсантов окажутся на Урале, то одно их появление скажется на работе ваших заводов тяжелой промышленности, тяжелого машиностроения. Красная Армия не получит с Урала пополнения людьми, достаточного вооружения. Тогда Сталин будет вынужден сдать Москву, его армия может откатиться до самого Урала! Но главное может случиться то, что Сталину будет не на кого, не на чего опереться! Ну, так что ты, Василий, думаешь по этому поводу?

– Мне страшно представить, что такое вообще может произойти! Красное знамя со свастикой никогда, Альфред, ты понимаешь, никогда не будет реять над нашим Кремлем! Лучше мы его взорвем, если подобное случится! Я приложу все свои силы для того, чтобы уничтожить генерала Ивана Колоскова, не позволить ему эту операцию претворить в жизнь!

– Правильно ты, Василий, мыслишь! Я с тобой полностью согласен по этому вопросу! Обещаю, что буду тебе в этом помогать всеми своими силами! Вот только ты, Васенька, пока еще не ответил на мой очень важный вопрос. На чем именно нам обоим следует сосредоточиться, чтобы сорвать осуществление операции «Прыжок барса». Не забудь о том, что при этом мы должны остаться живыми. Должны сработать так, чтобы Канарис о нас продолжал бы думать, как о высокопрофессиональных разведчиках, достойных его доверия!

– По моему мнению, мы должны каким-либо образом дезавуировать генерала Колоскова, его замысел «народного бунта» на Урале! И, второе, как мне кажется, мы должны ему помешать в наборе «добровольных помощников Вермахта»! К этим двум вещам следует добавить третье направление, по которому нам следует хорошо поработать. Использовать влияние толстопузого Геринга на вашего Гитлера!

– Это каким же образом? Поделись своим секретом Василий!

– Ваш Герман Геринг курирует и пестует германскую боевую авиацию, но он имеет болезненное тщеславие!

– Интересно, Василий! Как мне кажется, то я начинаю догадываться о том, к чему ты начинаешь меня склонять! Но, пожалуйста, продолжи эту свою мысль, мне очень хочется ее выслушать до конца!

– Все очень просто, Альфред! Нам следует найти человека, которому Геринг доверяет! Этому человеку нам нужно постоянно капать на мозги о том, что Люфтваффе не имеет хороших транспортных самолетов для этой операции. Что Германия имеет отвратительно плохую дальнюю авиацию. Итак, продолжать Геринга негативно будировать по всем вопросам, имеющим непосредственное отношение, что касается технической стороны осуществления операции «Прыжок барса». В конце концов, толстяк может взбелениться...

– Побежать к Гитлеру, чтобы каким-либо изощренным способом обосрать идею всей этой операции! Тогда Фюрер своим указом приостановит выполнение этой операции! Васька, да постепенно ты становишься истинным гением разведки. Если авантюра с Герингом удастся, то ты, то есть я, штандартенфюрер СС Альфред Нетцке, наверняка, стану группенфюрером СС! Нам любое море будет по колено! Вась, а почему это Эльза, так отвратительно на меня смотрит? Что такого плохого я ей сделал?

– Это не ты, Альфред, а я, Василий Васильков в твоём образе, на какое-то время перестал ей уделять внимания. Слишком уж я увлекся с тобой разговором. Так что ты, Альфред, меня уж извини, но сейчас должен заняться своей женой, а не то она со мной разведется!

– Василий, как ты собираешься поступить со своей Эльзой. Раскроешь ли ей нашу тайну?

– Не знаю, Альфред! Я не знаю, как наша жизнь с тобой в дальнейшем сложится! Но я очень не хочу ее потерять!

2

Последний час перед приземлением в Финляндии Васька провел в разговорах с женой. Они просто так трепались языками обо всем на свете, стараясь попросту убить время. Уж слишком медленно оно тянулось в маленькой и тесной для Васьки пилотской кабине «Хенкеля». Правда, Эльза порой поднимала серьезный разговор об их будущем доме под Берлином. Этот вопрос сильно беспокоил молодую женщину, будущую мать Васькиных детей. По ее намекам Васька догадывался о том, что ей, как и любой другой женщине, очень хотелось свить вместе с ним свое собственное гнездышко где-нибудь на дальней окраине Берлина.

– Нам нужен дом, не очень большой, но достаточно вместительный, чтобы в нем мы могли бы вместе жить. Нам нужна приходящая прислуга, желательно женатая пара. Она помогла бы мне по дому. Когда я уеду в какую-либо служебную поездку, то она будет тебя кормить. Я совершенно не хочу, чтобы ты питался бы случайной пищей. Отец моих детей должен быть здоровым человеком!

– Эльза, но почему ты сразу же начинаешь говорить о детях? Идет война, может нам следует немного подождать? Подумаем о детях, когда она закончится! Сегодня мы с тобой не имеем права говорить или планировать появление детей.

– Я набожная немка, искренне верю, что только бог и любовь той или иной паре дарит ребенка! Дети должны рождаться в любви! Я не хочу ни о чем думать, тем более о предохранении, когда тебе принадлежу! И если мы зачнем ребенка, то я его обязательно рожу. Если уход за ребенком потребует, то я брошу военную службу! Но, Альфред, сейчас давай вернемся к разговору о нашем берлинском доме. Если уж честно признаваться, то я давно уже присмотрела нам очень симпатичный домик. Даже переговорила с его владельцами, они готовы хоть сию минуту подписать договор о его купле-продаже! Если у тебя нет на него денег, то я готова переговорить с отцом. Он мне пообещал тебе одолжить столько денег, сколько нам понадобится!

– Ты, что обо мне говорила с отцом? Почему? Я же в газетах читал о том, что после нашего путешествия в Зазеркалье, ты бросила СС для того, чтобы выйти замуж, стать домохозяйкой! Газеты писали, что у тебя уже есть поклонник, готовый стать твоим мужем! Когда

я прочитал статью о тебе, то был готов сойти с ума! А сейчас ты говоришь, что уже давно запланировала выходить за меня замуж!

– Ты, что ревнуешь? И ты всему этому поверил? Газеты всегда ввали, наврвали и в случае со мной! Альфред, тогда никого у меня не было! Когда я встретила тебя в поезде, то сразу же поняла, что именно ты – моя судьба! Над тобой мне только следовало немного поработать, немного пообтесать твои острые края, и ты стал бы для меня волшебным принцем. О таком замужестве я мечтала долгими девичьими вечерами и ночами. Вот в Зазеркалье я и начала над тобой работать! Демонстрировала тебе, какая я замечательная домохозяйка, бегая с разными кастрюльками за тобой! Ты же все, мною приготовленное, пожирал, как крокодил, меня ни разу даже не поблагодарил. Я тогда еще думала, откуда у тебя такие отвратительные манеры? Но мне это так нравилось, что аж голова кружилась!

Этот милый их разговор ни о чем, был прерван появлением самолета. Через плексиглас пилотской кабины Васька увидел, как пилот этого самолета, видимо, совершенно не ожидал здесь встретить их «Хенкель». Он резко накренился на крыло, изменяя прежний курс своего маршрута следования.

– Альфред, срочно пристегнись ремнями к креслу! – Как-то сразу голос Эльзы стал суровым и решительным. – Это советский истребитель И-16! Он от нас теперь не отстанет, постарается сбить! Мы ж для него очень легкая добыча! Слушай, Альфред, а, может быть, ты переберешься в заднюю кабину?! Там на ее крыше стоит турель с пулеметом! Насколько я помню, Франц всегда заправляет в него ленту патронов! Черт всех подери, советы никогда не летали так далеко на север!

Ничего не говоря в ответ своей жене, Васька с некоторым трудом поднялся на ноги. Хватаясь руками за разные стойки, чтобы не упасть, он покинул пилотскую кабину. Вся эта кутерьма началась из-за Эльзы, пилотируя свой «Хенкель», она начала его бросать из стороны в сторону, одновременно меняя высоту полета. В груза-пассажирской кабине из-за этих резких изменений курса полета, Васька опять-таки с трудом, но добрался до центра этого отсека. Там была площадка бортстрелка, хватаясь за ремни, за все, что попадало под руки, он взобрался на эту площадку, пристегнулся к ней ремнями. Когда он выпрямился, то его плечи, голова и руки вдруг оказались снаружи самолета, прямо перед ним на турели торчал его старый знакомый – пулемет МГ 13. Он был закреплен на турели специальным замком.

Васька тут же вспомнил о том, как он с уральскими призывниками шел из Тулы в Одоев, в штаб 217-й дивизии, куда их распределили в качестве пополнения. Как по дороге они столкнулись и уничтожили мотоциклетную разведку противника! Как после первого столкновения с немецкой разведкой, готовясь к новой встрече, они не могли снять с мотоциклетной турели точно такой же пулемет МГ 13 из-за этого чертова замка. Эти воспоминания о недавнем прошлом, о товарищах каким-то образом затронули его душу. Но время и ситуация его поджимали, советский истребитель явно собирался пойти в атаку на их небесный тихоход. Его же руки сами собой разыскали этот чертов замок, они его раскрыли.

Упершись плечами в пулеметные наплечники, Васька слился в одно целое с этим пулеметом. Пока он до него добирался, Эльзе своими маневрами удавалось сбивать прицел советскому летчику-истребителю. Он, видимо, сильно разозлился на это обстоятельство. Выполнив пару фигур высшего пилотажа, он, пользуясь большей скоростью своего истребителя, начал заходить в хвост «Хенкеля», чтобы атаковать с задней верхней полусферы. Начал медленно, но неумолимо с ним сближаться, собираясь этого немца расстрелять из своих пулеметов. Где-то внутри Васьки вдруг возникла информация о том, что советский летчик откроет огонь по их «Хенкелю» с дистанции в триста метров. Сейчас же дистанция между этими двумя самолетами была восемьсот метров. Но И-16 явно догонял Эльзин «Хенкель», дистанция между ними постоянно сокращалась.

На дистанции в пятьсот метров Васька нажал гашетку МГ 13, выдал длинную очередь в двадцать патрон. Он не хотел сбивать этот советский истребитель, поэтому стрелял неприцельно, попросту направив ствол пулемета в сторону истребителя. Но появление бортстрелка на борту «Хенкеля», огонь из бортового пулемета оказался неожиданным для советского пилота. Его истребитель нарвался-таки на эту пулеметную очередь. Обшивка из перкаля левого крыла истребителя лопнула, пошла клочьями от прямых попаданий пулеметных пуль. Но советский летчик-истребитель упорно продолжал их преследовать. Он так и не отказался от своего намерения, сбить этот вражеский самолет с лыжами вместо шасси. Он начал маневрировать, стараясь уйти из-под огня бортового пулемета немецкого самолета. Продолжая истребитель бросать то влево, то вправо, этими своими маневрами он попытался не позволить вражескому бортстрелку хорошо прицелиться.

Васька же больше не стрелял, не жег понапрасну патроны. Он опасался того, что их может не хватить в критическую минуту. Молчание бортового пулемета в свою очередь нервировало советского летчика-истребителя. Ему не составило труда догадаться о том, что этот вражеский «Хенкель» имел опытный экипаж. Что его летчик и бортстрелок теперь просто так не подставятся под пулемёты его истребителя. Советский летчик прервал атаку с задней полусферы, отвалил в сторону от «Хенкеля». Его истребитель И-16 начал быстро терять высоту. Васька догадался о том, что советский летчик собирается их атаковать снизу, где он уже не мог своим пулеметом отражать его атаки. У него не было связи с пилотской кабиной, поэтому он не мог предупредить Эльзу о намерениях пилота советского истребителя.

Но Эльза не в первый раз сидела за штурвалом своего самолета, она, как и Васька, догадалась о том, что И-16 собирается ее «Хенкель» атаковать снизу. Она все еще продолжала свой тихход бросать из стороны в сторону, время от времени теряя высоту. Но советский истребитель имел более высокую скорость, он ее тихход опережал по всем показателям. Одним словом, советский пилот стал заходить в атаку снизу, в живот «Хенкеля». В тот момент, когда И-16 был совсем уже готов открыть огонь на поражение, Эльза свой «Хенкель» поставила на крыло. Самолет практически мгновенно потерял высоту, провалившись к земле почти на километр. Васька, разумеется не ожидал подобного маневра, но он так сильно своими руками вцепился в пулемет, что не выпал из самолета. В тот момент, когда И-16 промелькнул перед его глазами, то он чисто интуитивно нажал гашетку пулемета.

Получилась очень короткая очередь, всего лишь в пять или шесть патронов. Но внезапно советский истребитель запарил. Из-под капота двигательного отсека вырвался белый пар, образуя белый инверсионный след от истребителя в небе. Даже Васька, человек далекий от авиации, догадался, что у И-16 поврежден водяной радиатор. Через несколько минут полета истребитель полностью потеряет жидкость охлаждения, тогда его двигатель перегреется и заклинит. Но советский летчик-истребитель оказался более чем сообразительным человеком. Он мгновенно он свой истребитель ввел в крутое пикирование, стараясь быстрой скоростью пикирования подольше продержаться в воздухе. Тем самым поближе приземлиться к своему аэродрому, прежде чем двигатель окончательно заклинит!

Бой закончился! С огромным усилием Васька свои руки оторвал от пулемета. Он отстегнулся от ремней, попытался соскочить с возвышенности бортстрелка, но практически упал на боковое сидение. Ему потребовалось некоторое время для того, чтобы прийти в себя после этого незапланированного воздушного боя. Бой продолжался всего лишь четыре минуты, но отнял у него много физических и душевных сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.